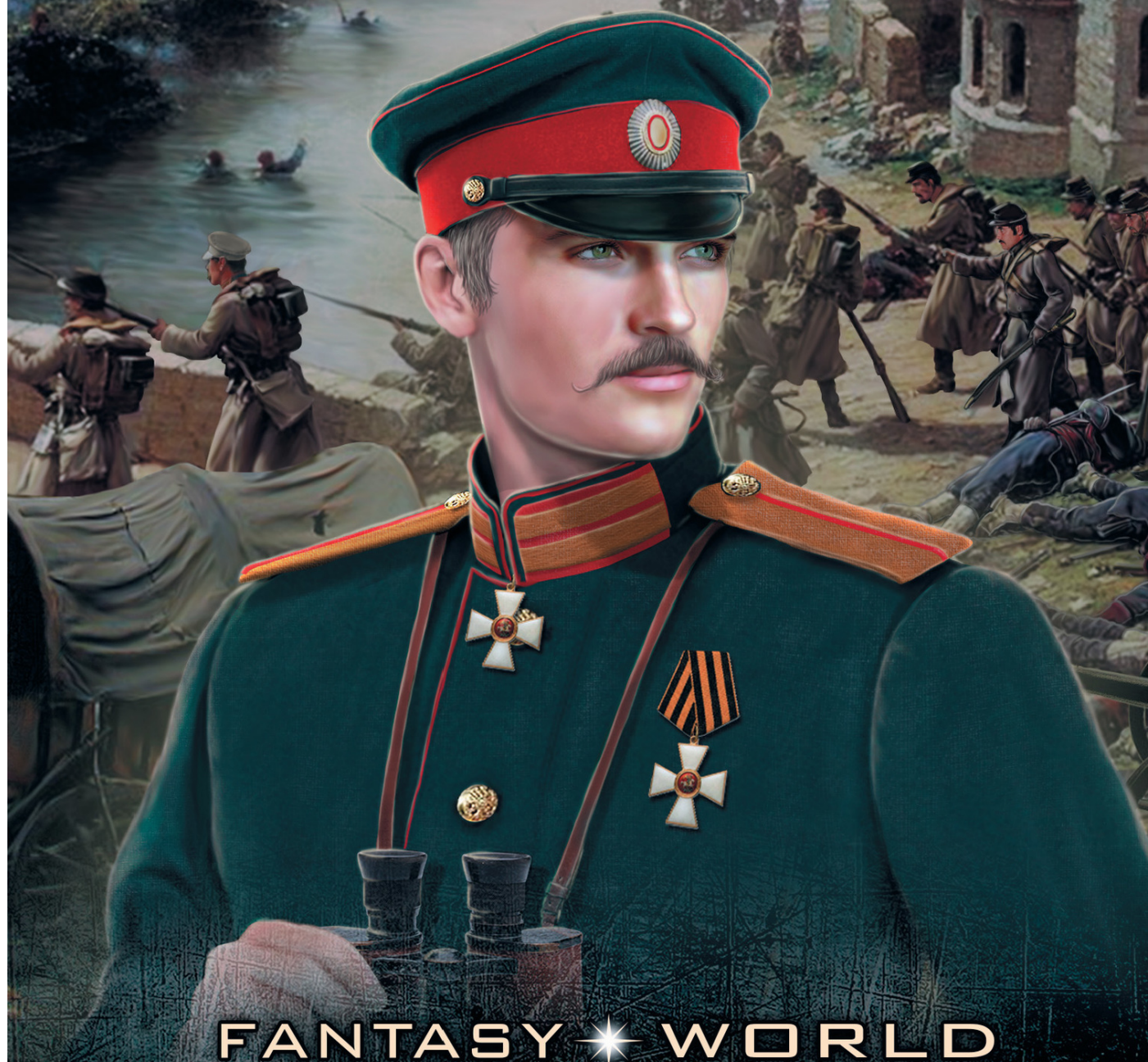

ВАДИМ ПОЛИЩУК

КАПИТАН МАГУ

ГОРЫ ЛЮБВИ И СКОРБИ

FANTASY WORLD

Fantasy-world

Вадим Полищук

**Капитан Магу. Горы
любви и скорби**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Полищук В.

Капитан Магу. Горы любви и скорби / В. Полищук —
«Издательство АСТ», 2019 — (Fantasy-world)

ISBN 978-5-17-115990-0

Служба в столицах не заладилась, пришлось возвращаться в провинцию, благо очередная заварушка на границе империи не заставила себя ждать. Слева сабля, справа тяжесть револьвера в кобуре, а впереди новые испытания, встречи и расставания. В этих горах можно встретить друзей и попасть в засаду врагов. А еще здесь можно встретить любовь и тут же ее потерять. И не успокоиться, пока не отомстишь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-115990-0

© Полищук В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вадим Полищук

Капитан Магу. Горы любви и скорби

© Вадим Полищук, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

- Вы – увечный?
- Бог миловал.
- Инвалид?
- Нет.
- В армии вообще служили?
- Не имел чести.

Перед Алексом сидел крайне неприятный тип в потертом фраке с манишкой и тросточкой, похожий на мелкого мошенника, каковым, по всей видимости, он и являлся.

– Так какого... – отставной капитан с трудом сумел взять себя руки. – Тогда не понимаю, зачем вы пришли ко мне? На входе ясно написано: «Фонд помощи увечным и инвалидам русской армии». Увечным и инвалидам. Понимаете?

Фонд располагался в том же здании, что и «Коммерческий банк Магу и партнеры», но имел отдельный вход с улицы.

- Но я хотел бы предложить вашему фонду очень выгодное дело...
- Это предложение было уже пятым только за сегодняшний день.
- Пошел вон.
- Что, простите?
- Вон!! – взорвался Алекс.

Тип с тросточкой с похвальным проворством отскочил к двери кабинета и уже оттуда дал краткую характеристику председателю фонда, отставному капитану Магу.

- Псих! Сумасшедший!
- Убью!!

Рука привычно рванулась к кобуре. Забыл капитан, что уже полтора месяца, как он в отставке, хоть и с правом ношения мундира, а вот огнестрельное оружие носить подобным образом ему запрещалось. Алекс рванул ящик стола, в котором лежал револьвер, но тот оказался предусмотрительно запертым на ключ. Как раз на случай подобных ситуаций. И тогда отставной капитан выхватил саблю.

- Тип резво выскочил в коридор.
- Спасите! Убивают!

К моменту появления Алекса в коридоре посетитель успел скрыться, его вопли отдаленно доносились с улицы. Председателя фонда с обнаженной саблей в руке встретили удивленные взгляды сотрудников, выглянувших на крик посетителя.

- Продолжайте работать.

Алекс с лязгом вернул клинок в ножны и захлопнул дверь. Очень хотелось выпить водки, но не было никакого желания прямо сейчас пройти через коридор фонда на улицу, а там до ближайшего кабака. Капитан плюхнулся обратно в кресло и несколько минут провел, разглядывая завитушки на лепнине потолка и пытаясь успокоиться самостоятельно.

- Из состояния задумчивого созерцания его вывел осторожный стук в дверь.
- Войдите.
- Ну что, теперь ты понял, какова нелегкая доля русского мецената?

– Да, папа, понял. А еще я понял, что не мое это дело.

Банкир Виктор Магу опустился на тот же стул, с которого несколько минут назад вскочил предыдущий посетитель.

– И что собираешься делать дальше?

Алекс взглянул отцу прямо в глаза.

– Фонд может выдать мне безвозвратную ссуду на пятьдесят тысяч?

– Может, конечно, но зачем тебе такие... Нет, сын, только не это! Ты же только оттуда вернулся. О матери подумай!

– Да, папа, да. Это единственное, что я умею делать, но делаю это хорошо.

Глава 1

По-руоссийски себрийец говорил очень прилично, но с заметным акцентом, присущим этому народу. Да и выглядел весьма импозантно со своей бородищей и с торчащими из-за пояса рукоятками сабли, кинжала и двух револьверов. Проще говоря, выглядел себрийец настоящим бандитом. Попадись он отставному капитану в руоссийском лесу, Алекс разрядил бы в него весь барабан револьвера не задумываясь. Но здесь, в едва сбросившей османийское иго и до сих пор разорванной на несколько лоскутных княжеств стране, встреча с такого типа персонажем была обычным явлением. Да еще и пострашнее попадались.

Звали себрийца Гжешко. Прихлебывая из зажатой в правой лапе кружки местную кислотину, он внимательно ощупывал Алекса взглядом. Наконец он поставил кружку на грязноватый стол.

– Пятьдесят тысяч – серьезный аргумент. На эти деньги мы сможем купить две сотни винтовок и патроны к ним. Но деньги – это не главное. Деньги у нас есть, нам многие помогают. А вот возможность купить винтовки и патроны с хорошей скидкой и напрямую с завода дорогого стоит. Посредники обходятся нам очень недешево.

– Хорошо, – согласился Алекс, – письмо деду я напишу, думаю, он мне не откажет. Но как вы их вывезете из Руоссии?

– Вывезем, – Гжешко хлебнул из кружки. – Кого надо подмажем.

Похоже, договорились. Война закончилась, заказы на оружие от военного ведомства резко упали, а что оставалось – уплывало на казенные заводы. На заводах деда мертвым грузом осело немало деталей винтовок из задела под ожидавшиеся заказы. Теперь же Август Тизель получит свои деньги за ставшие никому не нужными железки, себрийцы – новейшее руоссийское оружие с хорошей скидкой. Даже таможенники по обе стороны границы останутся довольными. Со временем же этот тонкий ручеек доставки оружия в Себрию вполне может превратиться во вполне приличную речку. Единственными проигравшими в этой комбинации должны были остаться османийцы, но их мнением по этому вопросу никто не подумал поинтересоваться.

– К нам приходит немало ваших офицеров из отставников, – продолжил себрийец. – По большей части их отправили в отставку по причине пьянства или непригодности к службе. Поэтому берем мы очень немногих.

Алекс отметил, что речь у этого местного патриота слишком правильная для простого себрийского романтика с большой дороги, каким он столь старательно прикидывался.

– Но вас мы взять готовы. Даже сотню вам дадим. Вот только фамилия ваша...

– Что не так с моей фамилией? – напрягся Алекс.

– Всего три месяца назад вы стали очень известной личностью на Палканах. Здесь очень хорошо помнят фамилию офицера, из-за которого чуть было вновь не началась война. И мы помним, и османийцы. А потому ее необходимо сменить. Например, на Руоссийский. Алекс Руоссийский. Нет, лучше «сотник Руоссийский». Вам нравится?

Алекс пожал плечами.

– Мне все равно. Но как-то уж слишком явно указывает на мое происхождение.

– А вы надеетесь прикинуться себрийцем? – хохотнул Гжешко. – Или сохранить инкогнито?

Алекс подметил еще одно словечко, столь нехарактерное для себрийца из медвежьего угла Палканских гор. Но и самому за местного жителя не сойти, даже если выучить язык в совершенстве. Себрия невелика, и двое незнакомых себрийцев, сойдясь вместе, обязательно найдут каких-нибудь общих знакомых или дальних родственников. Не зная досконально всех хитросплетений родственных связей, выдавать себя за себрийца бесполезно, самозванец будет

разоблачен на второй минуте разговора, даже если ему удастся полностью избавиться от акцента.

– Ни то, ни другое, – ответил Алекс, – но хотелось бы что-нибудь менее громкое.

– Ну, тогда предлагаю вам взять псевдоним Барти, – с ходу предложил Гжешко. – Скромно, и национальность не определить, под такой фамилией может скрываться кто угодно.

– Хорошо, – кивнул головой отставной капитан, – я согласен. Но почему именно Барти?

– Мой отец родом из городишки Барти, – расхохотался себриец.

Сделал он это немного наигранно. Алекс сдержанно улыбнулся и задал еще один вопрос:

– А вы в столичном университете обучались?

Гжешко так поперхнулся, что даже акцент почти исчез. Прочистив горло и смочив его для верности пивом, он поинтересовался:

– Как догадался?

– Слишком правильное построение фраз, пара специфических столичных словечек, обращение на «вы». К тому же я слышал, что в нашем университете обучалось немало себрийцев.

– Прокололся все-таки, – улыбнулся себриец. – А мне казалось, что я довел свой образ до совершенства.

Гжешко был представителем организации «Свободная Себрия». Не удовлетворившись результатами русско-османской войны, по которой часть Себрии осталась под властью султана, себрийцы создали организацию, борющуюся за полное освобождение своей страны. А поскольку переговорами дела было не решить, организация скупала оружие и вербовала добровольцев для освободительного похода. Деятельность свою организация вела за счет добровольных пожертвований со всего мира. И вексель на пятьдесят тысяч, переданный капитаном, тоже пошел в общую кассу. Алекс подозревал, что никакие жертвователи таких расходов не покроют, за «Свободной Себрией» явно стояло государство, и он догадывался, какое именно. А потому в добровольцы отставной капитан подался не испытывая сомнений, благо цели организации полностью совпадали с его убеждениями.

– Нет предела совершенству, – хмыкнул Алекс.

– Согласен, и предлагаю перейти на «ты». Кстати, если хочешь носить оружие скрытно, купи что-нибудь поменьше, «гранд» под такой одеждой не спрячешь.

– Спасибо, учту. Но я надеюсь, что мне недолго придется прятать револьвер от чужих глаз.

– Недолго, – подтвердил его догадку Гжешко. – Завтра в это же время приходи с вещами, поедем, познакомлю тебя с твоими подчиненными. Они тебе понравятся.

Судя по ехидной ухмылке себрийца, в этих словах таился какой-то подвох, но какой именно, раньше завтрашнего дня узнать было невозможно.

– И письмо деду не забудь.

Гжешко вылил себе в рот остатки содержимого кружки, давая понять, что разговор закончен.

– Непременно, – откланялся Алекс.

– Давай.

Гжешко пробежал глазами поданное ему письмо, удовлетворенно кивнул, и письмо исчезло в бездонном кармане его шаровар.

– Поехали.

Гжешко и Алекс были единственными пассажирами телеги, запряженной парой тяжело-возов. Молчаливый возница правил лошадьми с абсолютно отрешенным видом. Кстати, телега почти пустая, а идет тяжело. Запустив руку в сено, Алекс нащупал стоявшие на дне ящики, судя по размеру – оружейные.

Здесь, в уже освобожденной части Себрии, где их сторонником был каждый второй, не считая каждого первого, организация действовала достаточно свободно, особенно не скрываясь. Местный князь Войчетутский «Свободную Себрию» не жаловал, видя в деятельности организации угрозу своей власти, но вынужден был терпеть ее присутствие, так как уважением и авторитетом среди своих подданных не пользовался. Обе стороны демонстративно соблюдали нейтралитет, подчеркнуто не вмешиваясь в дела друг друга.

– Ты должен сделать из них настоящих солдат, – разъярял задачу Алекса себриец, – а это очень нелегко. У нас нет гауптвахты, и под винтовку их тоже не поставишь. Они не знают, что такое дисциплина. Пока они сами не признают тебя своим командиром, ты не сможешь ими командовать.

– Слушай, Гжешко, – не выдержал Алекс, – а ты меня часом не пугаешь? Так я не из пугливых.

– Нет, не пугаю. Я даже обеспечу тебе фору.

– Какую еще фору?

– Приедем – увидишь.

Про предстоящие трудности с обучением личного состава отставной капитан догадывался, слишком велики отличия между добровольцем-себрийцем и руоссийским рекрутом. Одно дело веками отлаженная государственная машина по переделке крестьян в солдат, где ты являешься маленьким винтиком, и совсем другое – оказаться наедине с себрийской вольницей, когда каторгой никого не испугаешь и ни один унтер-сверхсрочник не поможет, ввиду их полного отсутствия в этих краях.

– Люди, как я понимаю, есть, но кроме них потребуется еще много чего – оружие, патроны, шанцевый инструмент...

– Будет тебе оружие, – расхохотался Гжешко, – как только приедем, так сразу и будет!

Благо ехать было недалеко. Уже версты через три телега свернула с широкой проезжей дороги. Скорость тут же снизилась, лошади с трудом тащили тяжелую повозку в гору. Затем дорога пошла вниз, огибая серую скалу, и, наконец, спустилась в долину.

– Опять пост не выставили, – пробурчал себриец.

Алекс понял, что эта фраза относилась к его будущим подчиненным. Еще один поворот, и едва заметная в траве колея вывела к старой овечьей кошаре, где их встретили три десятка бандитских, по-другому не скажешь, рож.

– Здрав будь, Гжешко.

– Здрав будь, Смирко.

Представитель «Свободной Себрии» начал обниматься с молодым жилистым себрийцем, Алекс сразу решил, что это местный главарь.

– Оружие привез?

– Привез. И еще кое-кого привез.

Вокруг Гжешко собралась толпа, и он начал толкать им зажигательную речь. Среди собравшихся Алекс заметил пару физиономий, которые где-то уже видел, но никак не мог вспомнить, где именно. И тут в словах оратора мелькнула фамилия Барти, в тот же момент Алекс стал центром всеобщего внимания. К нему приблизился здоровенный чернобородый себриец и на ломаном руоссийском спросил.

– Ты был комендантом Олумоца?

– Я, – не стал скрывать отставной капитан.

Толпа с ревом подхватила его, и на землю он вернулся минут через пять. Затем еще долго его то ли душили, то ли пытались ему сломать ребра, по-иному эти объятия расценить было нельзя. Едва только Алекса отпустили и он получил возможность нормально дышать, как тот же чернобородый здоровяк так хлопнул его своей лапищей по спине, что едва не выбил из легких остатки задержавшегося в них воздуха.

– Меня зовут Драган, я из Олумоца. Моя семья была там, на площади. Башибузуки успели зарезать мою жену и детей, но ты спас сестру и племянников. Я – твой должник.

И таких должников у бывшего коменданта Олумоца набралось с полтора десятка. Большая часть себрийцев из этого отряда происходила из того же города, и почти у всех в тот день на площади оказался кто-либо из родственников. Теперь стало понятно, о какой форе говорил Гжешко. Оставалось только не наделать глупостей и не растерять авторитет у новых подчиненных.

Когда изъявление благодарностей закончилось, к Алексу подошли Гжешко и Смирко.

– Смирко будет твоим заместителем. Он хороший воин, он убил много османийцев, но в армии никогда не был. Ты должен научить его всему, что знаешь сам.

Ладонь у главаря разбойничьей шайки, которую Алексу предстояло превратить в армейское подразделение, была сухой и твердой, взгляд холодный и расчетливый. Общее впечатление он производил скорее неблагоприятное – такой зарежет и глазом не моргнет. Но выбирать не приходилось.

– Отставной капитан Алекс Ма... Алекс Барти.

– Смирко.

Оставалось прояснить еще один вопрос.

– Сколько времени у меня есть на обучение?

– Кто знает? – пожал плечами Гжешко. – Но я бы поторопился.

С одной стороны, чем больше времени, тем лучше можно подготовить личный состав, но и затягивать с обучением тоже не стоило. Османийская империя могла оправиться от поражения.

– Ладно, может, хоть оружие посмотрим?

– Посмотрим, – согласился Гжешко.

Алекс уверенно направился к привезшей их телеге.

– Ты все-таки догадался!

– Это было нетрудно.

Со дна телеги извлекли четыре деревянных ящика. В них оказалось два десятка винтовок Трибоди-Тартини и около тысячи патронов. Винтовки не новые, потертое воронение, царапины на дереве, явно из трофеев, оставшихся от османийцев или подобранных в местах боев. Но все были смазаны, стволы в хорошем состоянии, и к работе затворов претензий не имелось, кто-то знающий успел привести их в порядок.

– Хорошо, пойдут. А штыки где?

– Зачем тебе штыки?

– Мне ни к чему, мне винтовка не положена, а у солдата штык должен быть!

– Ладно, – не стал спорить Гжешко, – будут тебе штыки.

С этим он и отбыл. Напоследок туманно пообещал:

– Готовься, скоро будет тебе пополнение.

Алекс проводил отъехавшую телегу взглядом, а обернувшись, обнаружил стоявшего за спиной Драгана. При такой массе и габаритах двигался он на удивление бесшумно.

– Смирко сказал, чтобы я за тобой приглядывал и был толмачом.

– Хорошо, – кивнул Алекс. – А ты где язык выучил?

– Во время войны я в русской армии добровольцем был, бомбы к осадным пушкам подносил.

– То есть службу знаешь?

– Немного знаю.

Ну вот, один почти готовый солдат уже есть, осталось научить остальных.

Деятельность свою новоиспеченный сотник Барти начал с канцелярии. Составил список, распределил по плутонгам, затем предложил самим себе выбрать унтер-офицеров. Зря он это

сделал, выборы чуть было не закончились дракой. Положение спас Смирко, трижды пальнувший в крышу кошары из револьвера. После того, как шум стих, он просто назначил унтеров, и все с его выбором беспрекословно согласились, никто даже не пикнул, взгляда косого не бросил.

Строевую подготовку Алекс ограничил выполнением команды «Становись». Ближе к ночи ему удалось добиться того, чтобы себрийцы образовывали две более или менее ровные шеренги, где каждый знал свое место. А на следующий день начался ад.

Нет, ему достался не самый худший человеческий материал. Себрийцы вполне прилично стреляли, хорошо знали местность и умели по ней быстро и скрытно перемещаться на большие расстояния. А то, как нужно устраивать засаду в горах, Смирко мог поучить самого Алекса. Правда, засады эти были больше рассчитаны на захват купеческого каравана, чем на уничтожение подразделения регулярной армии противника.

С другой стороны, добровольцы ни малейшего понятия не имели о дисциплине, могли запросто уйти с поста только потому, что им стало скучно и захотелось поговорить с товарищем. Никто не хотел копать землю и всячески от этого дела отлынивал. Правда, никто не осмеливался прямо послать настырного отставного офицера по всем известному адресу. С ним всегда соглашались, но либо не спешили выполнять приказ, либо делали это спустя рукава.

Серьезную помощь оказывал Смирко. Если отставного капитана уважали, то его нового зама многие откровенно побаивались. Стоило ему появиться на занятиях, как энтузиазм обучаемых подскакивал раза в два, а то и все четыре. Хотя самого Смирко часто приходилось убеждать в необходимости тех или иных действий.

– Ну зачем мне землю нужно копать? Я крестьянином был – копал, дорогу строил – копал. Воином стал, думал, никогда больше копать не буду, а ты опять меня заставляешь!

– Да ты пойми, – пустился в уговоры Алекс, – я же не ради собственного удовольствия, а ради сбережения ваших же жизней. Вот представь, противник наступает, как ты организуешь оборону? Где своих подчиненных разместишь?

– За камнями, за деревьями, в домах.

– Хорошо, противник подтянул артиллерию и открыл огонь. Камни с деревьями не спасут, да и не всякий дом попадание гаубичной гранаты выдержит, а в окопе можно спастись.

– Зачем спасаться, можно же уйти...

– А нельзя уходить, нужно оборону держать!

– Зачем держать?

– За твоей спиной город, там женщины и дети; уйдешь – их всех вырежут. Ты должен их защитить!

– Никому я ничего не должен! – возмущение себрийца было абсолютно искренним. – У них свои мужчины есть, пусть они их и защищают!

– Вот, – начал горячиться Алекс, – поэтому-то вас османийцы и бьют! Когда вы их последний раз побеждали? Молчи, я тебе сам скажу – пятьсот лет назад, когда Себрия еще единой была! Сколько раз за эти пятьсот лет вы восстания поднимали?

– Не помню. Много.

– А сколько из них можно назвать успешными? Ни одного! А почему? Да потому, что вы готовы только за свою деревню драться, а за соседнюю – уже шиш! Если бы наша армия не пришла и османийцев отсюда не вышибла, ты бы до сих пор по дорогам грабил, пока тебя не поймали и голову отрубили. Пока вы нормальную армию не создадите, вам свою землю не освободить!

– Может, ты и прав. А окопы копать надо обязательно?

– Да! И если командир отдает приказ, то его надо выполнять, а не обсуждать! Иначе османийцы вас опять ссанymi тряпками разгонят!

– Я подумаю над твоими словами.

– Только думай быстрее, пока война не началась.

Смирко ушел не попрощавшись. Полночи Алекс беспокойно ворочался, душу его грызли сомнения – не слишком ли резок он был со своим заместителем. Если отношения с ним будут окончательно испорчены, то эту лавочку можно будет закрывать. Заснул отставной офицер только под утро, а разбудили его весьма странные звуки. Едва выглянув из кошары, он замер от изумления – весь личный состав энергично копал траншею, местами успев углубиться уже по колено. Правда, в их исполнении инженерное сооружение больше напоминало обычную канаву.

– Отставить!

Работа замерла, и все удивленно уставились на своего командира: чем это он опять недоволен? Пришлось пояснить.

– Траншею надо копать не где придется, а там, где требуется, исходя из условий местности и выполняемой задачи. А ты, – Алекс повернулся к своему заместителю, – смотри и запоминай, как это делается. Предположим, противник перешел в наступление с того направления силами до батальона. Тогда делаем так...

Через пять минут работа закипела вновь уже на размеченных отставным капитаном участках.

– Земля здесь плохая, – заметил Смирко, – камней много. А зачем эти изгибы нужны?

– Если траншея будет прямой, то попавшая в нее гаубичная граната или мортирная бомба выкосит всех, кто в ней будет находиться. Эти изгибы спасут солдат от осколков.

– А дерн сверху сняли, чтобы потом выкопанную землю прикрыть.

– Да. И запоминай – эта часть окопа называется бруствер.

Через четыре часа траншея достигла глубины полного профиля, бруствер был выровнен и обложен для маскировки дерном. Только копатели вознамерились отдохнуть после тяжелой работы, как их планы были жестоко нарушены неугомонным руоссийцем.

– А сейчас приступаем к изучению организации ведения огня ротой. Стрельба плутонгами...

Сзади тихо подошел Смирко.

– Может, все-таки дать людям отдохнуть?

– А османийцев ты тоже попросишь дать тебе время на отдых, прежде чем отбивать их атаку? Продолжаем! В две шеренги становись! Первая шеренга стреляет с колена, вторая – стоя...

К вечеру он довел своих подчиненных почти до полного изнеможения. Себрийцы скрипели зубами, ругались себе под нос, но команды выполняли беспрекословно. Еще одна неожиданность подкараулила отставного капитана ночью, когда переполненный мочевой пузырь выгнал его из кошары. По периметру ограды мерно шагала темная фигура, и, когда лунный свет упал ей на спину, в нем блеснула сталь винтовочного ствола. Причину внезапно проснувшегося служебного рвения Алекс узнал на следующий день от Драгана.

– Смирко пообещал зарезать любого, кто не выполнит твой приказ или выполнит его недостаточно быстро.

– И что, действительно может зарезать?

– Полгода назад Штефран Одноухий задумал сместить Смирко и встать во главе четы. Когда Смирко узнал об этом, он отрезал ему второе ухо и кое-что еще. Штефран умирал долго. С тех пор никто не рискует бросить ему вызов.

Два дня обучение себрийцев шло весьма интенсивно. На третий день прибыл Гжешко. Вместе с ним пришел небольшой обоз с оружием и полсотни новых добровольцев.

– Смотри, что я тебе привез, – издали начал представитель «Свободной Себрии».

В одной из телег лежали длинные ятаганные штыки к винтовкам Трибоди-Тартини.

– Отлично! Завтра же начнем обучение фехтованию на штыках.

– Это еще не все, ты посмотри, кто к тебе пришел.

Алекс обернулся в указанном направлении и замер. В следующую секунду он буквально повис на высоком худом себрийце.

– Горанович!! Как ты меня нашел?

– Себрия очень маленькая. Когда я услышал, что у нас появился новый руоссийский офицер, маленький и очень злой, мне захотелось самому увидеть его.

Празднование встречи пришлось отложить до вечера, слишком много забот и хлопот навалилось на Алекса с прибытием пополнения. Если четники Смирко походили на волков, то эти, скорее, были быками. Такие же медлительные, неповоротливые и люто ненавидящие османийцев. Они не умели стрелять, ходить строем, передвигаться ползком и строить полевые укрепления, но очень хотели этому научиться. Это были крестьяне, буквально только что от сохи, бежавшие от османийцев из Южной Себрии. У всех там оставались семьи или родственники. И они очень хотели вернуться.

Появилась возможность сформировать два полноценных взвода по сорок штыков в каждом. При этом Алекс смешал четников и вновь прибывших в составе взводов. Такое решение пришлось по душе далеко не всем. Смирко молчал весь день, но вечером, когда они с Алексом остались наедине, потребовал объяснений.

– Зачем ты разделил моих людей? Они давно вместе и хорошо знают друг друга. Мы вместе с османийцами воевали!

– Вместе вы не столько воевали, сколько разбойничали. Почему Гжешко назначил тебя моим заместителем?

– Ты здесь ненадолго, только чтобы укрепить авторитет среди нас, а командовать потом придется мне.

– Правильно, и командовать тебе придется всей ротой, а не разбойничьей четой! И думать ты должен как командир, а не как атаман! Ну развею я их по разным взводам, так завтра же четники начнут смеяться над туповатыми и неуклюжими крестьянами, а те в ответ будут их ненавидеть немногим меньше, чем османийцев. И очень может быть, что завтра твоим четникам потребуется помощь в бою. Как ты думаешь, второй взвод им охотно поможет или еще подумает? А теперь представь, что оба взвода смешанные...

– Да, – признался Смирко. – Об этом я как-то не подумал.

– Ты еще много о чем не подумал, а должен был. Четники уже хоть что-то умеют, а новичков еще надо научить, с какого конца за винтовку браться. В смешанном взводе они быстрее научатся, имея перед глазами наглядный пример. Только надо сделать так, чтобы твои орлы их учили, а не издевались.

– И тут ты тоже прав. Что я еще упустил?

– Самое главное. Если хочешь стать хорошим командиром, для тебя не должно быть в роте чужих и своих, должны быть только свои. Ладно, пора спать, завтра трудный день будет, а я еще с Горановичем хотел поговорить.

История бывшего контрабандиста оказалась несложной. Уйдя из Олумоца, он некоторое время перебивался мелкими заработками, потом встретился со сторонниками только-только образовавшейся «Свободной Себрии» и примкнул к ним. Все имевшиеся у него деньги он отдал на покупку оружия.

– Езжу по всем Палканам, скупаю оставшиеся от османийцев трофеи, потом везу их сюда. Все по-прежнему, только теперь за товар могут повесить. Как только я узнал про заказ на штыки, я почему-то сразу подумал о тебе и не ошибся. А ты как здесь оказался?

– После того дела в Олумоце меня из армии выперли именным императорским указом, хорошо хоть на каторгу не отправили. К счастью, нашлись заступники при дворе. Помыкался я в столице месяц-другой да чуть с тоски не удавился. Плюнул на все, да и приехал сюда. Теперь вот для вас солдат готовлю. А ты как, дальше пойдешь или здесь останешься?

– Завтра уйду. Я бы остался, но ты же сам понимаешь...

– Понимаю, – согласился Алекс. – Эх, жаль, даже выпить нельзя!

Следующий день был не просто трудный, а очень трудный. Новички не умели заряжать винтовку, не знали, как пользоваться прицельными приспособлениями, не могли выставить расстояние на прицельной планке, поскольку не знали цифр. Зато у них было огромное желание научиться. С бычьим упрямством, раз за разом исправляя ошибки, они учились обращаться с оружием, а приказ выкопать траншею восприняли как отдых.

Ближе к ночи опять пришел сильно раздраженный Смирко.

– Почему они меня не слушают, а тебе только еще в рот не заглядывают?

– Потому что я – офицер армии, победившей османов и освободившей половину Себрии, а ты – четник, то есть разбойник с большой дороги, а разбойников крестьяне во всем мире не любят.

– Да я их...

– Что ты их? Убьешь? Ну зарежешь двух-трех, может даже пятерых, а шестой убьет тебя. На одном страхе авторитет командира не построишь. Эти крестьяне тебя не боятся, они уже почувствовали свою силу и получили в руки оружие. В бою пули будут с разных сторон лететь, если не хочешь, чтобы одна из них прилетела тебе в спину, сделай так, чтобы тебе верили.

– И как это сделать?

– Ты должен показать, что относишься к ним как к равным, а не как к тягловому скоту. Они должны есть не хуже, чем четники, не меньше спать, не больше работать и больше учиться. Сумеешь завоевать их доверие – будешь командиром, не сумеешь – в лучшем случае никто твоих приказов выполнять не будет.

– Так что же, мне под них подлаживаться?

– Ни в коем случае! Твои приказы должны выполняться беспрекословно! Но подчиненные твои должны знать: что бы ты им ни приказал, копать траншею или яму под ротный сортир, все имеет только одну конечную цель – освобождение Себрии. Ты – командир, вполне могут возникнуть такие ситуации, когда ты будешь посылать своих подчиненных на верную смерть, а сам оставаться в тылу. Так вот, ни у кого сомнений быть не должно, что их смерть будет напрасной.

– А как понять, напрасные потери или оправданные?

– Этому ни в одной академии не научат, тут поможет только личный опыт. Поэтому учись, пока есть возможность, экзамен османов будут принимать.

– Сложно все это, – поморщился четник.

– А ты думал, командир только большую долю в добыче получает? Нет, он еще и первую пулю получает, когда солдат поднимает в атаку. Ох, что-то разговорился я сегодня, хоть в адвокаты иди.

На обучение роты судьба отпустила четыре дня. За это время новобранцы научились стрелять в нужную сторону и даже иногда попадать в мишень. На пятый день в расположении роты появился какой-то мутный тип, коротко переговорил со Смирко и тут же исчез. Полчаса спустя сам Смирко явился к командиру роты.

– Тут такое дело...

– Говори, не тяни кота за хвост.

– Камский паша казну собрался вывезти, – выпалил четник.

На что намекает Смирко, было понятно и без толмача. С одной стороны, не дело военных такими делами заниматься, с другой же – расходы у «Свободной Себрии» немалые. И прямые субсидии из казны Камского пашалыка будут ей совсем не лишними. Правда, подготовка личного состава вверенной Алексу роты далеко не полного состава взывала к крайней осторожности, но и прежде отставному капитану приходилось сталкиваться с чем-то подобным. И всегда

проблемы удавалось как-то решить, и даже иногда получить прибыль. Может, стоит рискнуть еще раз?

– Сведения точные?

– Да, надежный человек весточку принес. Чует свинья, что мы скоро придем, вот и торопится вывезти золото, которое у нас же и награбил.

– Когда?

– Через два дня.

– Гжешко отдаем половину.

– Почему так много? – возмутился четник.

– Большая часть солдат от него, оружие и патроны тоже, – напомнил Алекс.

– Хорошо, я согласен.

– Остальное делим между ними поровну.

– Пусть будет так.

– Показывай на карте, как повезут!

Если судить по карте, то шанс перехватить обоз с казной был. В одном месте дорога приближалась к границе всего на два десятка верст. Впрочем, в этих горах границы были не более чем условностью, мелкие разбойничьи шайки и караваны контрабандистов постоянно шастали и туда, и оттуда, а вот то, что дорога к месту перехвата была только одна, смущало Алекса намного больше.

– Готовь роту к выходу, через час выступаем! И продумай другой путь для отхода, не тот, которым мы пойдем туда.

– Зачем?

– Выполнять! – Алекс, не удержавшись, хлопнул ладонью по лежавшей на столе карте.

Смирко на секунду замер, затем, выпрямившись, ответил:

– Будет исполнено, капитан!

Сам Алекс положил перед собой лист бумаги и чернильницу, достал перо и начал строчить рапорт Гжешко, начальство должно быть в курсе всех дел. А если оно решит, что операция слишком рискованна или по каким-то другим причинам нежелательна, то еще может успеть остановить ее. Едва только он поставил точку, как в двери появилась голова одного из четников.

– Все готово, можно выступать.

Алекс тяжело вздохнул, настолько местные порядки отличались от требований уставов русско-армянской армии. Когда еще удастся добиться, чтобы хоть докладывали по форме.

– Гранаты взять не забудь!

Шесть увесистых чугунных шаров привез Горанович, пояснил, что гранаты у торговцев никто не хотел брать и что ему предложили их бесплатно. Ну, он и взял, вдруг пригодятся. Смирко не хотел брать эту тяжесть с собой, но Алекс настоял. В горах одна сброшенная на голову противника граната могла убить его, даже не взорвавшись, а уж если она взрывалась, то могла наворотить дел.

Час спустя он уже топал по горной тропе с ощущением дежавю в голове. Не хватало только Горановича впереди. Впрочем, его таланты сейчас бы негодились, четники Смирко знали тропы в этих горах ничуть не хуже.

Осень в этом году выдалась теплой и сухой, идти по тропе было нетрудно, даже когда она вела вверх. Кроме погоды радовало отсутствие сабли на левом боку, вместо нее на ремне висел старый солдатский тесак в новых, не успевших обтереться ножнах.

На привале Смирко присел рядом с Алексом.

– Должны успеть.

Отставной капитан молча кивнул, показывая, что принял информацию к сведению.

– А почему надо возвращаться по другой дороге? Эта самая короткая и удобная.

– Если бы мне надо было уничтожить нашу роту, я бы так и поступил – подкинул информацию о золотом караване, до прохода которого остался минимум времени, а сам устроил засаду на самой короткой и удобной дороге.

– Но эта засада была бы на пути туда, – возразил четник.

– Ты же сам уверял меня, что твой информатор с османийцами не связан.

– Так и есть, он их ненавидит.

– Тогда мне пришел в голову другой вариант – у кого-то не хватает сил взять караван самому. Там где золото, там сильная охрана. И он решил сделать это нашими руками. А когда мы с добычей, понесшие потери и потерявшие бдительность, пойдем обратно...

– Этого не может быть!

– Что-то я не слышу уверенности в твоём голосе. В любом случае лучше не рисковать. Так что, есть другая дорога?

– Есть, – кивнул Смирко.

– Тогда – вперед! Поднимай людей.

Дни-то были теплыми, а вот ночи уже весьма холодными. Кутаясь в свою старую офицерскую шинель со споротыми погонами и петлицами, Алекс палкой ворошил угли костра. Завтра первый бой, а его подчиненные к нему еще не готовы, и он волновался за его исход. По шороху за спиной офицер понял, что бодрствует не он один. Ему даже не пришлось поворачивать голову, чтобы узнать кто это.

– Драган, а ты чего не спишь?

– Смирко приказал тебя беречь, вот я и охраняю.

Если назвать овечью кошару пунктом постоянной дислокации роты, то там новоявленный телохранитель ничем не выделялся из общей массы. Но только стоило роте выйти за пределы ограды, как он превратился в тень ее командира. Впрочем, нет, для тени он был слишком большим и довольно шумным.

– Ладно, спи, куда я не денусь.

Утро не принесло сюрпризов, и уже через три часа после рассвета рота прибыла к месту, где предполагалось устроить засаду и отобрать у паши его казну. Отправленные Смирко разведчики спустились к дороге и пять минут спустя принесли обнадеживающие вести.

– Свежих следов нет, с прошлого вечера никто не проходил.

– Значит, будем ждать, – принял решение Алекс.

Больше он к дороге никого не пустил. Выставил двух наблюдателей, а остальным приказал сидеть в укрытии. Сам же вместе со своим заместителем поднялся наверх, чтобы лично оценить диспозицию. Рассмотрев все сам, передал бинокль Смирко.

– Где думаешь устроить засаду?

– Вон там, на выходе из ущелья. По сигналу наблюдателя вывести оба взвода к дороге, залечь на склонах и поставить караван в два огня, а до этого к дороге не соваться.

– Все верно, – одобрил решение заместителя Алекс, – но есть одна проблема. Ложбину видишь?

Смирко, не отрываясь от бинокля, кивнул.

– Стрелки у нас в роте аховые, все уцелевшие османийцы в этой ложбине и укроются, там наши пули их не достанут.

– И что делать?

– Думай.

Четник вновь приткнулся к биноклю. Решение отыскалось быстро.

– Вон в ту расщелину посадить троих стрелков с револьверами, и когда они все соберутся...

– А зачем мы гранаты с собой тащили? Пойдешь сам, с собой возьмешь еще двоих. Когда кидать гранаты – решай самостоятельно, дальше действуй по обстановке...

Закончить наставление Алекс не успел, Смирко первым заметил сигнал наблюдателя.

– Едут!

Всего десятка два кавалеристов. Для конвоя камской казны всадников было маловато, а вот для передового дозора в самый раз. Все замерли, Алекс даже бинокль убрал, чтобы не выдать себя блеском линз. Кавалеристы приблизились настолько, что стало возможно рассмотреть детали. Иррегуляры, но не башибузуки, одеты разнообразно, а вооружены более или менее одинаково – сабли или ятаганы, у всех за плечами короткие кавалерийские карабины, у многих за пояс заткнуты револьверы. Командир ехал на прекрасном вороном коне, у остальных лошадки были попроще.

– Поднимай роту.

– Подожди, – возразил Смирко, – они еще могут вернуться, а времени после сигнала наблюдателя нам хватит.

К удивлению Алекса, четник оказался прав, османийский разъезд вернулся час спустя. За это время Смирко успел найти себе товарищей для выполнения опасного задания. Когда кавалеристы скрылись из виду, он поднялся.

– Мы пошли, смотрите нас не подстрелите.

– Этого не обещаю, призовых стрелков у нас нет, будем брать густотой огня. А вы маскируйтесь лучше.

Вот чему не надо было четников учить, так это маскировке на местности. Если бы он сам не видел, как эта троица скрылась в расщелине, то пребывал бы в полной уверенности, что там никого нет. Оставалось только дожидаться появления добычи, а прохождение проверявшего дорогу разъезда туда и обратно указывало на ее близость. Наблюдатель подал сигнал треть часа спустя.

– Вперед! Унтер-офицеры, развести людей по позициям! Установка прицела – триста шагов!

Сам отставной капитан расположился с винтовкой в цепи. Он себя считал хорошим стрелком и решил, что лишним здесь не будет. Он же должен был своим первым выстрелом дать сигнал к открытию огня остальными. Справа от него прятался за камнем Драган. Будь его воля, он бы, наверно, перед командиром лег, чтобы закрыть его от османийских пуль.

Алекс чуть приподнялся, огляделся по сторонам. Лица лежавших рядом себрийцев были напряжены, руки сжимали винтовки. Больше всего он опасался, что кто-нибудь может появиться на дороге с противоположного направления, с тыла вся их засада была видна как на ладони.

Тем временем «золотой» обоз медленно приближался. Три крытых фургона и семь-восемь десятков всадников, силы практически равные. Оставалось надеяться, что под тентами фургонов не скрываются османийские пехотинцы или, что было бы гораздо хуже, изобретение господина Митраля.

В качестве цели капитан выбрал того самого османийца на вороном коне. Тот, еще ничего не подозревая, ехал чуть впереди остальных. Всадник уже находился в прорези прицела, оставалось только совместить с ней мушку. Внезапно османиец остановился. Что-то заметил? Нет, тронул коня и поехал дальше. Есть мушка. Алекс задержал дыхание и начал выбирать холостой ход спускового крючка. Хороший конь, вот бы поймать, когда бой закончится... Бах!

Османиец вздрогнул и начал валиться с лошади, а с обеих сторон уже трещали выстрелы винтовок. Черт, какое все-таки мешкотное зарядание у этой проклятой «тартини», хорошо хоть затвор стреляную гильзу из патронника извлекает. Но тосковать по надежной и куда более удобной «герданке» было некогда, бой продолжался.

– Чаше стрелять! Точнее!

Из тех всадников, что ехали впереди, к этому времени уцелела едва половина, остальные были убиты, ранены или не смогли совладать с понесшими лошадьми. Зато открылись сами фургоны. Нет, никакой засады не было, возница переднего фургона отчаянно пытался развернуть свою повозку, чтобы удрать.

– Врешь, не уйдешь!

Целик, мушка, спуск... Бах! Османиец завалился куда-то внутрь, лошади встали, дорога была намертво перегорожена. Опомнившиеся османийцы открыли ответный огонь, над головой Алекса просвистели первые пули. Третьим стал спешившийся кавалерист, стрелявший с колена. Вроде бы и не очень сложная цель была, но свалить противника удалось только со второго выстрела.

– Огонь по хвосту колонны!

Несмотря на громкий треск стрельбы, бойцы команду услышали. Залегшим у дороги османийцам сразу же захотелось найти укрытие от пуль. Часть ползком попыталась укрыться в ложбине. Другие ловили лошадей и, нахлестывая несчастных животных, покидали место боя. Паша далеко, с ним можно будет и позже разобраться, для этого надо хотя бы в живых остаться. Третьи ничего не предпринимали, лежали себе неподвижно и никому не мешали.

– Чаше! Чаше стрелять!

Результаты трех следующих выстрелов остались неясными. Вроде один раз все-таки попал, а может, и нет. Алекс заталкивал в казенник следующий патрон, когда грохнула первая граната. Буквально тут же взорвалась вторая. Третья рванула с задержкой секунд в пять, но именно после этого взрыва сопротивление османийцев было сломлено. Трое сидевших в засаде четников палили из револьверов стоя в полный рост. «Позеры чертовы». Требовалось срочно их выручать.

– Рота, в атаку! Вперед!

Поднялись. Не сразу, что можно оправдать непониманием, так как отставной офицер руоссийской армии по привычке команды подавал на родном языке. Три сотни шагов и полминуты времени на их преодоление, последние выстрелы и внезапно наступившая тишина.

– Чего столпились?! Оружие собрать, лошадей отловить! Унтер-офицеры, доложить о потерях! Смирко, жив?!

– Пол-уха сволочь отстрелил!

Голову заместителя уже обмотали какими-то тряпками, сквозь которые проступала кровь.

– Нечего было голову дуриком подставлять! И займись делом наконец!

В первом фургоне ничего стоящего не нашлось, только продовольствие, немного патронов да какие-то тряпки. Под пологом второго скрывался большой деревянный ящик, обитый железом и запертый на ключ. Крышка ящика сдалась пятому удару прикладом. Внутри пачки ассигнаций, в основном османийских, немного бритунийских паундов, еще какие-то бумаги.

– Деньги в мешок, – распорядился Алекс.

Оставшуюся у него пачку бумаг он сунул в руки Драгану.

– Спрячь, потом посмотрим.

Третий фургон оказался уставленным небольшими, но невероятно тяжелыми для своих размеров бочонками. Смирко захотел тут же их вскрыть, чтобы увидеть содержимое, но капитан решил по-иному.

– Отставить! Уходим!

Одновременно со сбором трофеев себрийцы дорезали раненых османийцев, пленных почему-то тоже не оказалось. За короткое время удалось отловить полтора десятка лошадей, счастливо избежавших руоссийских пуль и не догадавшихся отбежать подальше. К досаде Алекса вороного красавца среди них не оказалось, а он уже наметил его себе под седло. Торопливо пристроив золото на лошадиные спины, рота тронулась в обратный путь.

Кроме столь удачно экспроприированной казны на лошадях пришлось грузить и троих раненых, еще четверо могли передвигаться самостоятельно. А еще троих оставили на месте, наспех привалив камнями, им уже никакая медицина помочь не могла.

– Удачное дело получилось, – Смирко явно испытывал радостное возбуждение.

– Не спеши, – остудил его пыл Алекс, – еще надо уйти. Кстати, когда на другую дорогу сворачивать будем?

– Скоро, – заверил его четник, – очень скоро.

И не обманул, приличная по здешним меркам дорога вскоре сменилась узкой горной тропой, приведшей роту на край пропасти. Капитан носком сапога скovyрнул с обрыва камень, тот полетел вниз, со стуком задевая выступы скалы. Дождавшись, когда от дна прилетит последний шлепок, он поинтересовался:

– И куда дальше?

Оказалось, что все-таки вниз. Тропа стала еще уже, а смерть на дне каменного ущелья еще ближе, коварные камни то и дело норовили вывернуться из-под ног и увлечь вслед за собой.

– Смотрите под ноги и берегите лошадей!

Уже явственно послышалось ворчание, что надо было возвращаться прежней дорогой. В довершение всех бед из арьергарда доложили о приближающейся погоне.

– Вот черт, быстро они опомнились. Шевелитесь, если не хотите, чтобы вас перестреляли как куропаток!

Себрийцы заторопились, и буквально тут же одна из лошадей, груженная двумя бочонками, с истошным ржанием сорвалась вниз. Смирко метнулся к краю обрыва, заглянул вниз.

– Ладно, внизу подберем.

Они успели, едва только хвост колонны достиг дна, о камни шлепнулись первые пули, а эхо разнесло по ущелью трескотню выстрелов. Теперь стороны поменялись местами – уже османийцам предстояло спускаться по узкой простреливаемой тропе, где негде было укрыться. Самое время, оставив десяток стрелков, придержать погоню, а основным силам оторваться от нее. Но надо было отыскать и унести из-под носа у османийцев груз упавшей лошади, Смирко намеревался не оставить противнику ни единой монеты.

Пришлось разделиться. Один взвод с лошадьми и ранеными пошел вперед. Смирко уверял, что его взводный унтер-офицер отлично знает дорогу. Два десятка стрелков остались сдерживать османийцев, с ними же остался и капитан. Еще полтора десятка себрийцев во главе со Смирко отправились на поиски пропавшего груза.

– Занять оборону!

Стрелки рассыпались среди камней, выставили стволы винтовок в ожидании противника. А тот не торопился, видимо, их командир чуял засаду. Прошло не меньше четверти часа, прежде чем трое османийцев начали спуск, ведя лошадей в поводу.

– Не стрелять, пусть подойдут ближе.

Троица османийцев успела преодолеть больше половины спуска, когда на тропе появились их основные силы. Уверились, что себрийцы ушли и не оставили прикрытия? Зря. Алекс дождался того момента, когда шедший впереди кавалерист заметил засаду, замер, затем с воплем упал на тропу, срывая со спины карабин.

– Огонь!

Передовую троицу скосили в считанные секунды вместе с лошадьми, никто из них даже выстрелить не успел. Затем, по команде капитана, огонь был перенесен выше. Поначалу он не оказывал видимого действия, пока Алекс не сообразил, что при стрельбе под таким углом вверх установку прицела надо брать меньше.

– Дальность шестьсот шагов!

Себрийцы поправили прицел, и почти сразу появились результаты. Вниз полетела одна лошадь, другая, те, кто только начал спуск по тропе, попятиться обратно. Ответный огонь

причинял мало беспокойства. Хоть и стреляли османийцы сверху вниз, но цели на дне ущелья видели плохо, били по дыму винтовочных выстрелов. К тому же у них либо прицел был выставлен неверно, либо их командир не догадался внести поправку, но большая часть их пуль бесполезно пролетали над головой. Перестрелка длилась минут десять, после чего Алекс приказал:

– Прекратить огонь!

Все видимые цели были уничтожены, и дальнейший расход патронов представлялся бесцельным, особенно с учетом недостаточной обученности себрийцев. С той стороны продолжали потрескивать отдельные выстрелы. Время от времени над тропой поднимался белый пороховой дымок, затем о камень шлепалась пуля, и тут же следом прилетал звук выстрела.

– Не стрелять. Ждем.

Ждать пришлось еще около получаса. За это время противник никакой активности не проявлял, кроме одиночных беспокоящих выстрелов. Наконец появились себрийцы, ушедшие со Смирко. С собой они принесли один из двух бочонков, которые были грузом погибшей лошади.

– Где второй?

– Разбился, большую часть мы собрали. Посмотри, что там было.

Четник снял со спины заплечный мешок, развязал и показал Алексу содержимое. В дневном свете тускло блеснул желтый металл, чуть ярче сверкнули драгоценные камни. Капитан запустил руку внутрь и вытащил горсть ювелирных украшений. Кольца, цепочки, браслеты, женские серьги, даже нательные крестики, большой наперсный крест, принадлежавший священнику. Алекс разжал ладонь, золотые изделия с шорохом посыпались обратно. Он посмотрел на ладонь, опасаясь увидеть следы крови, но ничего подобного не было, видимо, отмыли.

– С-сволочи!

Ненависть захлестнула разум, захотелось плюнуть на все, подняться наверх и стрелять, колоть штыком, душить руками...

– Капитан, ты чего?

Алекс вернулся обратно в реальность, отпустил рукоять «гранда» и закрыл клапан кобуры.

– Ничего. Надеюсь, что в остальных все-таки монеты, а не нечто подобное. Оставь мне проводника и уходи, через полчаса мы уйдем следом.

За это время противник предпринял еще одну вылазку, но весьма слабую и скоротечную. Убедившись, что себрийцы никуда не ушли, быстро вернулись обратно и изредка постреливали сверху. Выждав оговоренное время, капитан дал команду к отходу. К сожалению, их уход не остался незамеченным, османийцы тут же начали погоню.

Через два часа арьергард догнал основные силы роты, а еще через час их догнали османийцы. Еще двое суток продолжалась игра в догонялки с перестрелками. Преследователей никак не удавалось сбить со следа или заставить отказаться от погони. Видимо, камский паша нашел аргументы для своих подчиненных, резко увеличившие их рвение. То ли казнить всех обещал, то ли долю в случае возвращения утраченной казны. А может, и то, и другое вместе.

Обе стороны понесли потери. У себрийцев убитых не было, но количество раненых возросло до полутора десятков, что стало дополнительной обузой для уцелевших. У османийцев потери были не меньше, но они упорно продолжали цепляться за хвост ротной колонны, пока себрийцы не пересекли границу княжества Войчетутского. Здесь же Алекс имел не очень приятный разговор с княжескими военными.

– Кто такой?

– Капитан Барти, армия «Свободной Себрии».

– Тоже мне армия! Сборище оборванцев! И какого дьявола вы задираете османийцев, а нам потом из-за вас все расхлебывать!

Хамоватый княжеский вояка не считал нужным представиться и чина своего тоже не назвал. Судя по роскошным эполетам и количеству золотого шитья на мундире, он был не меньше чем генералом, но вполне мог оказаться и фельдфебелем. Во всяком случае, он не побоялся вывести полсотни своих подчиненных навстречу османийцам и в яростной словесной баталии отстаивать независимость и территориальную целостность своего княжества, за что Алекс был ему безмерно благодарен. Его бойцы от усталости и бессонницы едва передвигали ноги. Османийцы, впрочем, имели состояние немногим лучше, а потому воевать с регулярной Войчетутской армией не рискнули.

– Прошу прощения, но османийцы напали на нас первыми, – вдохновенно врал капитан, – мы вынуждены были защищаться, а они преследовали нас. Вы же сами все видели.

– Век бы вас не видеть, – пробурчал золотомундирный. – А твоя рожа, кстати, мне кажется знакомой! Это не тебя разыскивали два года назад за грабеж и контрабанду?

– Это было ложное обвинение, – пустился в отрицание Смирко, – я никогда не возил контрабанду!

– Еще раз прошу прощения, – вмешался в ситуацию Алекс, – но если вы не возражаете, то мы продолжим путь. У нас раненые, им требуется медицинская помощь.

Знал бы княжеский военный, какой куш сейчас проплывает мимо него, возможно, попытался бы задержать роту, но, к счастью для «Свободной Себрии», он ни о чем не догадывался, вести из Камы сюда еще не добрались.

– Убирайтесь отсюда вон, да побыстрее!

Еще один световой день в дороге, и к вечеру рота вернулась в кошару, показавшуюся почти родной. В пункте постоянной дислокации их уже ждал очень недовольный Гжешко.

– Ну и заварили вы кашу!

Впрочем, настроение его очень быстро переменилось, едва он увидел привезенный ротой груз.

– И что внутри?

– Не знаем, еще не вскрывали. Только одна бочка разбилась, когда лошадь в пропасть упала. Взгляни, что там было.

На Гжешко содержимое бочонка произвело гнетущее впечатление. По его предложению вскрыли остальные. Еще один оказался с золотой и серебряной церковной утварью. Некоторые предметы были повреждены. Местные церкви были бедными, не иначе как османийцы ограбили какой-то старый монастырь. В остальных бочонках были золотые и серебряные монеты. Рядом на стол вывалили ассигнации из мешка. Начался пересчет и дележ.

К утру не поделенными остались только церковное имущество и награбленные османийцами украшения. Четники, может, и не побрезговали бы этим, они и не к такому привычны, но сейчас они были в меньшинстве и настаивать на их разделе не рискнули.

– Это, – Гжешко указал на утварь, – надо вернуть церкви.

Алекс тут же с предложением согласился. Смирко только плечами пожал, он был большим грешником, но до церковного грабежа не опускался, пусть имущество вернется настоящему хозяину.

– А это...

– Переплавить и продать, – внес предложение капитан, – все деньги пустить на покупку оружия и патронов. Хотя так они смогут отомстить своим убийцам.

Если Смирко и хотел возразить, то, взглянув на своего командира, быстро передумал. Доля каждого четника и без того была достаточно большой. Не каждый год удавалось столько добыть, а тут всего-то один налет.

– Пусть будет так.

На этом и порешили. Весть о конце дележа и причитавшейся каждому сумме мгновенно прокатилась по кошаре и вызвала возбужденный гомон даже у раненых. Больше всех возбудились бывшие крестьяне. Мало кто из них такие деньги хотя бы раз в жизни в руках держал. От них к начальству заявила целая делегация – узнать, неужели правда?

– Правда, – заверил их Алекс. – Как посветлее станет, так и начнем делить.

Пока вся рота радовалась, Гжешко сообщил весьма тревожную информацию, о которой на радостях чуть было не забыл.

– Я ведь по вашим следам еще одну чету отправил, чтобы вам при захвате помочь или на случай погони. Так вот, они до вас не дошли, в засаду попали у самой границы.

– Потери большие? – насторожился Алекс.

– Не очень. У четников сложилось впечатление, что засада была не на них, а на тех, кто пойдет со стороны османийцев. Выходит, на вас.

Алекс резко повернулся к Смирко.

– Надежный, говоришь, османийцев ненавидит!

– Удавлю гаденыша, – скрипнул зубами четник.

– Да уж будь так добр, сам знаешь, таких за спиной оставлять нельзя.

Смирко отправился к четникам, а Гжешко и капитан коротко обсудили планы на будущее.

– Решено объединить все отряды «Свободной Себрии» под единым командованием по армейскому образцу. А ты пока готовься сам и готовь других, на днях пришлем тебе пополнение, – сообщил Гжешко.

Глава 2

– Длинным ко-ли! Коротким ко-ли!

С прибытием новых добровольцев, рекрутированных «Свободной Себрией», численность подчиненных капитана Барти даже несколько превысила штат руоссийской пехотной роты. Ну и забот с проблемами тоже вдвое прибавилось. Хоть бы одного толкового унтера дали, о субалтерне можно было и не мечтать, но нет, ни одного не нашлось. Османийцы в свою армию себрийцев не брали, если кто и попадал, то только сменив веру, то есть став изменником для своих прежних единоверцев и соплеменников. Вот и не было среди себрийцев кадровых военных, поэтому и приходилось ротному командиру отдуваться за всех.

Днем Алекс занимался с рядовыми, вечером после ужина собирал у себя взводных унтер-офицеров, своего заместителя Смирко и учил. Как рядовых учить, в каких случаях какие команды подавать, как ротное делопроизводство вести и хозяйство наладить. Почти две сотни молодых и не очень мужиков, собранных в старой овечьей кошаре, каждый день должны есть, пить, стрелять, стирать одежду и мыться сами. А на носу еще и зима с перспективой провести ее в непригодном и неотапливаемом помещении. Вся надежда на начало боевых действий до того, как начнутся морозы.

– Почему пирамиды для винтовок до сих пор не сделаны?

– Досок не привезли, капитан.

– Вы считаете это достаточным основанием своего бездействия?

Не выдержав взгляда Алекса, взводный унтер-офицер, бывший четник, отводит взгляд. Все отлично знают, что переход на «вы» означает крайнюю степень капитанского неудовольствия.

– Послезавтра все будет готово, капитан.

– Очень на это надеюсь.

В руоссийской армии Алекс с него давно бы лычки ободрал и на гауптвахту посадил, а здесь нет гауптвахты. И ни одного подготовленного унтера, знающего свое дело, тоже нет. Любого, поставленного на эту должность, придется всему учить заново, а этот уже хоть что-то умеет. Вот и приходится с ним возиться. И не с ним одним.

– Так, что у нас на завтра.

Капитан заглянул в план занятий.

– Смирко, отведешь четвертый взвод на стрельбище и присмотришь, чтобы они там друг друга не перестреляли.

– Будет исполнено, капитан.

Четвертый взвод не только по списку последний, он и сформирован был последним, и рядовые в нем только начали обучение, завтрашняя стрельба у них всего лишь вторая. А заместитель у Алекса хоть и сообразительный, но с грамотой не в ладах. Когда с завтрашним днем разобрались, он вплотную приблизился к тому, чтобы стать сегодняшним, а подъем намечен на пять утра.

Заснул капитан, не снимая мундира, только сапоги успел стянуть. На самого себя времени не оставалось абсолютно, если бы не Драган, он, наверно, оброс, обносился и испортил себе желудок. Угрюмый, молчаливый себрийец стал для него и охранником, и нянькой, взяв на себя все заботы о капитане. Он и спал у дверей ротной канцелярии, одновременно служившей спальней командиру.

Бах! Проснулся Алекс мгновенно и за револьвер схватился, едва открыв глаза.

– Тревога! Рота в ружье!

Искать в полной темноте и натягивать сапоги было некогда. Из канцелярии Алекс выско-чил босиком, но с «грандом» в руке. Его тут же сбили с ног, сверху навалилась тяжеленная туша, плотно прижавшая капитана к земляному полу. А снаружи уже разгоралась перестрелка, звенели разбиваемые пулями окна.

– Пусти, – прошипел снизу Алекс. – Пусти, я приказываю!

Туша приподнялась, и капитан получил возможность выползти из-под нее. Но едва он приподнялся, как в уже разбитое окно влетела очередная пуля, выбившая каменную крошку из противоположной стены. Здоровенная лапища тут же пригнула голову капитана к низу.

– Сапоги принеси, а здесь я сам разберусь.

Впрочем, и до его вмешательства оборона кошары начала налаживаться, загремели ответные выстрелы, кошару начало затягивать вонючей пороховой пеленой. Сквозь грохот выстрелов слышались команды унтеров. Нет, не зря он лично отбирал и учил их. По голосу отыскав одного из взводных, капитан приказал:

– Выводи свой взвод во двор!

– Будет исполнено!

Пригнувшись, один за другим стрелки выбегали во двор кошары, и перестрелка разго-релась с новой силой.

– Смирко! Где Смирко?!

Никто не знает.

– Вот сапоги.

Алекс торопливо натянул на ноги обувь, без нее передвигаться было небезопасно, на полу попадалось битое оконное стекло. В сапогах капитан ощутил себя намного более уверенным. Один взвод он оставил для обороны кошары, еще два взвода отправил наружу, и сам последо-вал за ними.

Снаружи встретил предрассветный холод, в одном мундирчике враз пробрало до озноба. Зато появилась возможность оценить численность нападавших. А было их немного, всего десятка два. И огонь они вели с внешней стороны среднего здания кошары, то есть наибо-лее защищенной части здания. Создавалось впечатление, что огонь этот носит отвлекающий характер. Вот только от чего? Других опасностей не наблюдалось.

Алекс подозвал взводного второго взвода.

– Обойди их с правого фланга.

Маневр этот не остался незамеченным, противник прекратил огонь и растворился в ночи. После рассвета на этом месте обнаружили только россыпи стреляных гильз, несколько поте-рянных патронов от «трибоди» и «гердана», пару пятен крови. Ответный огонь был достаточно плотен, и пара пуль свои цели нашла, несмотря на темноту и общую суматоху. Следы уходили в ущелье, где поворачивали на юг к османийской границе. Но это выяснилось позже, а пока надо было разобраться с творившимся в данный момент бардаком.

– Разобраться по взводам! Взводным унтер-офицерам уточнить потери и расход патро-нов. Раненых перевязать!

В это время объявился Смирко, чем-то очень довольный.

– Ты где был? – накинулся на него Алекс. – Почему во время боя отсутствовал?

– Да не кричи ты так, капитан, мы его все-таки поймали. Сейчас допросим, и все станет ясно.

– Кого вы поймали?

– Да Шумрика, гаденьша. Тащите его сюда! Там еще двое убитых есть.

Четники приволокли пленного. Несмотря на свежие синяки и кровоподтеки, Алекс узнал того самого типа, что принес Смирко известия о вывозе камской казны. Допрос на некоторое время пришлось отложить, подоспели доклады о потерях и начал заниматься рассвет. Убитый был только один.

Кроме убитого было еще восемь раненых, все легко, и еще шестеро порезались битым стеклом, один довольно серьезно. А вот материальный ущерб был довольно велик. Одного только битого стекла набралось на пару сотен себрийских серебряных денариев, плюс разбитая пулями черепица тянула на сотню вместе с заменой. Ну и по мелочам еще где-то сотня набиралась. А самое главное, абсолютно не была понятна цель нападения такими малыми силами. Ну не битое же стекло было целью нападения?! Вся надежда была на допрос пленного.

К допросу приступили, когда рассвело, предварительно разогнав по работам всех желающих поучаствовать и просто любопытных. Пойманный на горячем пытался хорохориться, но видно было, что он трусит. Смирко вытащил нож, демонстративно проверил остроту лезвия, затем изучил объект допроса, явно прикидывая, что ему отрезать в первую очередь. И когда он начал приближаться, нервы у пленника не выдержали.

– Эй, ты чего?! Я же ничего!

Четник схватил Шумрика за ухо и потянул вверх.

– Все! Все скажу! Только не трогай!

– Ну, говори.

Смирко держал нож прямо перед глазами пленника. Тот, не отводя от него взгляда, торопливо выкладывал то, что знал.

– Это все Вуйчек! Это он меня заставил, а я не хотел, я ему говорил! Я ему говорил, у Смирко много людей и оружия много, не будет нам удачи...

– Врет, – вставил свое мнение капитан.

– А ну, тихо!

Смирко тряхнул пленник, и тот мгновенно заткнулся.

– Ты этого Вуйчека знаешь?

Четник молча кивнул.

– Много у него в чете людей?

– Десятка четыре, может, чуть больше.

– Все понятно, он нас сразу этому Вуйчеку продал. Помнишь засаду, о которой Гжешко говорил?

– Так это было? – четник встряхнул пленника еще раз.

– Нет, не так! Это все Вуйчек придумал! Я к нему первому пришел, а он говорит, у меня людей мало, а конвой сильный будет. Иди к Смирко, у него сейчас людей много, пусть он казну возьмет, а мы уже у него золото отнимем. У него после боя потери будут, а мы засаду устроим там, где он не ждет. И османийцы нас искать не будут, а Смирко уже мертвый будет!

– Это уже больше на истину похоже, – Алекс подошел к пленнику. – Ты мне другое скажи, зачем вы на кошару напали?

– Так это, хотели узнать, где золото?

– Какое золото, дурья башка, мы его уже давно между всеми разделили!

– Ага, разделили, – неожиданно взвился Шумрик, – там же целый миллион был, а Гжешко вы мелочь отдали!

– Миллион чего? – осторожно поинтересовался капитан.

– Как чего? Бритунийских паундов! Я точно знаю, там миллион был.

Алекс переглянулся со Смирко.

– Бред, – пожал плечами четник, – не было там никакого миллиона.

Алекс был с ним согласен. По его прикидкам, если в паунды перевести, добыча составляла максимум двести пятьдесят тысяч. И разницу скрыть было невозможно, тем более что все бочонки с золотом были постоянно на виду у десятков людей, а вскрывали их уже здесь в присутствии Гжешко.

– Сдается мне, что кто-то очень ловко ограбил пашу. Все уверены, что везли миллион, а мы нашли только четверть. Значит, три четверти никуда не поехали или исчезли по дороге.

– А может, их и не было никогда, – предположил Смирко.

– Может, и не было, – не стал отрицать Алекс, – но кое-кто уверен, что были и сейчас они у нас. Да, влипли в историю. И все-таки зачем в кошару полезли? Неужели, думали, что мы золото здесь прячем?

– Нет, – замотал головой пленник, – думали, вы его по дороге закопали. Хотели пленника взять, который знает.

– Слышал, – скривился Смирко, – хотели тебя или меня пытать.

– Ладно, с этим все ясно, – махнул рукой Алекс. – Что дальше было?

– Что было... Часового они тихо сняли, только сунулись – выстрел. Они давай в ответ палить. Вуйчек сказал уходить, я вместе с ними побежал. Споткнулся, упал, тут меня и повязали. Я ни в кого не стрелял, у меня и оружия нет.

– Тогда кто стрелял?

– Вуйчек с другой стороны стрелков поставил, чтобы в случае, если шум поднимется, от нас отвлечь. Они и стреляли, – занял пленник.

– Так и было, – подтвердил его слова четник, – часовому нож под лопатку вогнали, подчасок увидел и успел пальнуть. Подчаска тоже ранили, но дальше поднялась тревога и им уходить пришлось. Я со своими погнался, да только двоих подстрелить и смог. А этот ногу подвернул и уйти не смог.

– Пойдем, убитых посмотрим.

Оставив пленника под охраной Драгана, Алекс и Смирко вышли из кошары.

– Ты ему заплатил?

– Да, ровно столько, сколько договаривались.

– Нет предела человеческой жадности. Что с ним делать думаешь?

– Я же его удавить обещал.

– Только не здесь, отведи куда-нибудь подальше.

Дальше оба шли молча, благо идти было недалеко. Первый покойник лежал уткнувшись лицом в пожухлую осеннюю траву. Слева в спине входное отверстие, обгаренное кровью, этому долго мучиться не пришлось, умер сразу. Кто-то уже успел забрать его оружие и вывернуть карманы. Смирко подцепил плечо носком сапога и перевернул труп.

– Имени не знаю, но он точно из четы Вуйчека.

Второй труп лежал неподалеку, сильно скрючившись. Этому сначала прострелили ногу, затем добились несколькими выстрелами с близкого расстояния, а уже потом обобрали. Смирко нагнулся, заглянул в лицо.

– Нет, этого не знаю. Видно, кто-то из новичков.

– Распорядись, чтобы прикопали. А я пойду рапорт писать.

Написание рапорта затянулось, а когда он был окончен и капитан вышел из канцелярии, то буквально нос к носу столкнулся с Гжешко.

– Что тут у вас происходит?

– Ничего, все, что могло произойти, уже произошло. Теперь вот расхлебываем. Драган, позови Смирко в канцелярию, сейчас перед начальством ответ держать будем.

Представитель «Свободной Себрии» выслушал обоих, задал несколько уточняющих вопросов, потом поинтересовался:

– Где пленный?

Алекс взглянул на заместителя, а тот только руки развел.

– Он уже за свое ответил.

– Зря поспешили.

– Я надеюсь, ты не думаешь, что мы присвоили семьсот пятьдесят тысяч?

– Нет. Об их существовании я знаю только с ваших слов. К тому же вряд ли вы могли незаметно утащить такую массу золота.

– Тем более, – продолжил Алекс, – что в роте полно твоих согладатаев. Я еще рапорт отправить не успел, а ты уже тут и в курсе всех дел. Кстати, вот он, возьми.

Капитан протянул Гжешко два листа исписанной бумаги. Тот быстро пробежался по ним глазами, сложил вдвое и спрятал в сумку.

– Плохо. Плохо, что вы вляпались в историю, и теперь вместо подготовки роты вам придется отбиваться от желающих проверить ее правдивость.

– Один уже попробовал, – огрызнулся в ответ Алекс. – Надо бы его самого отыскать и поквитаться. И с его башибузуками.

– А вот это уже не ваша забота, – вспыхнул Гжешко. – И без вас есть, кому с ним разобратся. Лучше своим делом займитесь!

– Есть заняться своим делом, – буркнул капитан.

Его заместитель просто отмолчался. Напоследок представитель «Свободной Себрии» решил немного подсластить пилюлю.

– Да, чуть не забыл, я ведь к вам не с пустыми руками приехал.

Вместе с Гжешко прибыли два патронных ящика, отличавшиеся от обычных меньшим весом. Когда их вскрыли, Смирко удивленно присвистнул. Алекс запустил в содержимое руку и выудил небольшой латунный крестик. В центре святой на коне копьем поражал змея.

– Давно надо было сделать, а то наши солдаты от четников и башибузуков только единообразным вооружением и отличаются. На построении после обеда раздадим. Но вы бы лучше снабжение продовольствием наладили.

– А что с ним не так? – удивился Гжешко.

– Да все не так! Мука затхлая, солонина с душком, сухари каменные, консервов не привозят вовсе, чай и сахар за собственные деньги в Войчетуте покупаем! Армии еще нет, а интенданты уже всю воруют!

– В самом деле, с продовольствием так плохо?

– Можем прямо сейчас пройти на склад, сам все увидишь.

На складе Гжешко сунул нос в один мешок, в другой. Понюхал солонину, поморщился, попробовал переломить сухарь.

– А сыр-то у вас очень даже хороший.

– Конечно, хороший, – согласился Смирко, – местные пастухи привозят.

– Ладно, попробую разобраться, – пообещал представитель.

– И сапоги нужны, – напомнил капитан, – несподручно босиком-то воевать будет.

На этом обе стороны расстались, не очень довольные друг другом. Проводив Гжешко, капитан прикрепил один из крестов к своему кепи и высказал свои мысли по поводу визита начальства.

– По большому счету он прав, времени на подготовку у нас осталось не так много, надо будет ее ускорить. Я тут вот какую штуку придумал, марш верст на двадцать с полной выкладкой, потом окапывание и штурм. Два взвода обороняются, два наступают, потом меняются местами. Сразу отрабатываем действия и в обороне, и в наступлении. Да, не забудь на ночь выставлять второй пост. Этот Вуйчек, получив по зубам, второй раз вряд ли рискнет сунуться, но чем черт не шутит.

Раздача крестов вызвала у себрийцев прилив энтузиазма, тем более что ротное начальство уже щеголяло этими знаками на головных уборах. Алекс с удивлением взирал, как светлели лица битых жизнью мужиков, когда их пальцы касались латуни. С этими немудреными крестиками на шапках пришло осознание того, что они уже не просто группа вооруженных людей, а воинское подразделение, теперь они армия.

А армия – это не только парады, марши и духовой оркестр. Это еще и внезапный ночной подъем, вместо завтрака – утренний марш по не самой ровной местности, на обед – окапы-

вание, в качестве вечернего отдыха – занятия по тактике, а на закуску – ночевка под открытым небом в самими же вырытых окопах. Надо сказать, что подавляющее большинство личного состава роты такую нагрузку выдержало. Себрийский крестьянин привык много и тяжело работать, а четники и вовсе к таким походам были привычны, им раньше разве что окопы рыть не приходилось.

Но на обратном пути начали появляться солдаты, окончательно выбившиеся из сил. Капитан намеренно не стал вмешиваться в ситуацию, давая взводным унтерам возможность проявить инициативу в решении этой проблемы. Те не подвели, к концу марша отставших не было, их дотащили буквально на руках. По возвращении Алекс отдал приказ.

– Роте ужинать и отдыхать до завтрашнего утра!

Он сам хоть и не рыл окопы, но сил потратил немало, сказывался почти двухмесячный перерыв в службе. Вот только, в отличие от солдат, ротному начальству отдохнуть не позволили. Едва только Алекс пригрелся под шинелью и закрыл глаза, как его поднял Драган.

– Гжешко приехал.

Пришлось отрываться от койки и посылать за Смирко. Представитель «Свободной Себрии» был серьезен и сосредоточен.

– Как ты оцениваешь готовность своей роты?

– Первый и второй взводы – удовлетворительно, третий на полбала ниже, четвертый еще учить и учить, стреляют плохо. А что, для нас появилась новая задача?

– Появилась, – кивнул Гжешко. – В Нови-Лазар через неделю должна прибыть полубатарея горных пушек. Пушки новые, бритунийские. У нашего комитета есть мнение их отбить, а то у нас артиллерии нет совсем, и купить ее где-нибудь практически невозможно. Да и дорого очень.

Алекс поймал себя на том, что абсолютно не знает оперативной обстановки по ту сторону границы. Да что там обстановка, даже бывшая у него топографическая карта едва заглядывала на приграничье! Можно было бы сослаться на недостаток времени и занятость обучением роты, а можно и признать свою ошибку. А еще можно свалить вину на кого-нибудь другого.

– Мнение есть, а когда у нас нормальные карты сопредельной территории появятся? Хотя бы крупномасштабные.

Капитан положил на стол лист бумаги и карандаш.

– Рисуй, где мы, где Нови-Лазар и Кама и какие дороги туда ведут.

Гжешко начал рисовать, кое-что ему подсказал Смирко. Прежде чем их совместное творение было закончено, карандаш пришлось затачивать дважды. Алекс ткнул в бумагу пальцем.

– Так, а что в этом Нови-Лазаре у османийцев есть сейчас?

– Пехотный батальон, – подсказал Смирко.

– Кадровый или редиф?

– Мундиры синие.

– Кадровый, значит, – сделал вывод капитан. – Ну да, кто же редифу-то пушки даст. И как их повезут, известно?

– Отсюда... – Гжешко провел карандашом вдоль дороги. – Вот здесь можно устроить засаду...

– Не нравится мне все это, – неожиданно заявил Алекс.

– Что не нравится? Захват пушек – вопрос политический...

– Это ловушка. Мимо нашего носа провозят жирную приманку, удобное место для засады – пожалуйста. Нам даже время для подготовки вылазки дали! Очень любезно со стороны османийцев.

– Ты полностью уверен в своих словах?

– Как тут можно быть уверенным? – возмутился Алекс. – Но уж слишком гладко все складывается, не следует считать османийцев полными осликами. А ты что скажешь?

Смирко пожал плечами.

– Командир прав, я бы тоже поостерегся.

– Жаль, очень жаль. В нашем комитете их уже считают почти своими, еще только расчеты для них формировать не начали. Да и вы могли бы прославиться...

– Мне такая слава не нужна!

Алекс хлопнул рукой по столу. Под ладонью оказался разрисованный лист бумаги. Капитан еще раз посмотрел на него, задумался, потом неожиданно заявил:

– Мне нужна нормальная карта.

– Что ты задумал? – насторожился Гжешко.

– Пока ничего, только некоторые соображения, слишком мало сведений. Так будет мне карта?

– Будет. Завтра же будет, обещаю.

Свое обещание представитель «Свободной Себрии» сдержал, уже к полудню нужная карта лежала на столе командира роты. Около часа он исследовал ее, что-то записывал и делал расчеты. Затем он вызвал к себе заместителя. Сев напротив Смирко, капитан сделал ему неожиданное предложение:

– Представь, что ты османийский командир и тебе нужно доставить в Нови-Лазар ценный груз. При этом ты знаешь, что нападение не просто ожидается, а непременно будет. Что ты будешь делать?

– Усилю конвой, устрою засады на дорогах, горные тропы перекрою постами наблюдателей.

– Я бы еще сформировал конный резерв. А нападение на сам Нови-Лазар ты исключаешь?

– Одной ротой на полный батальон? Исключаю. К тому же из Нови-Лазара их не вывезти. Он хоть от границы недалеко, но дорога в Себрию только одна, на ней посты, пушки не вывезти. А обратно везти слишком далеко, догонят. Нет, брать их надо здесь и сразу увозить по этой дороге сюда, к границе.

– Вот! И османийцы думают так же, здесь они нас и будут ждать. А пушки можно вывезти здесь, через этот перевал.

– Пушки там не пройдут, – уверенно заявил Смирко.

– Ты упускаешь один важный момент, пушки-то – горные, а значит, должны разбираться для перевозки на выюках. Насколько помню, одна пушка перевозится четырьмя лошадьми, а лошади трофейные у нас есть! Только мне нужен человек, который хорошо знает Нови-Лазар. Найдешь?

– Не буду искать, я и сам его неплохо знаю.

Капитан потянулся за бумагой.

– Рисуй расположение батальона.

– Значит, все-таки штурм?

– Зачем? Представь, что османийцы добрались до Нови-Лазара, драгоценные пушки наконец под надежной охраной, что они будут делать ночью?

– Большая часть разойдется по домам, сколько ни пытается султан загнать своих аскеров в казарму, они все равно предпочитают с женами спать, а не друг с другом. Офицеров в расположении тоже не будет, они первыми же и уйдут. Я тебя понял.

– Нужна схема расположения батальона с обозначением постов, еще требуется установить за ним наблюдение. Сможешь сделать?

– Сделаю, только мне уехать надо будет дня на три-четыре. И деньги потребуются.

– Езжай. С деньгами решим. Проверь дорогу через перевал. А я займусь подготовкой здесь, да и обучение останавливать тоже нельзя, надо четвертый взвод подтягивать.

Вернулся Смирко на четвертые сутки. Судя по потемневшему и осунувшемуся лицу, поездка эта была не из легких, и спать заместителю командира роты приходилось мало. Однако при приближении себрийца проявилась еще одна причина его неважного вида. Потянув носом воздух, капитан настороженно заинтересовался:

– Ты там что, водку пьянствовал?

– Извини, командир, старых друзей встретил, встречу пришлось отметить. Зато все сделал, друзья помогли, они же и сигнал подадут, когда пушки привезут. А вот схема расположения.

Себриец расстелил на столе план расположения османийского батальона и начал выкладывать добытые им сведения.

– Вот тут казармы, тут – склады, тут у них кухня, это – конюшни, здесь караул располагается. Казармы сейчас полупустые, осталась одна рота и всякая нестроевщина. Вчера при мне три роты ушли из Нови-Лазара. Нас ловить пошли, – ехидно ухмыльнулся Смирко, но поймав взгляд капитана, вновь стал серьезен.

– Где стоят посты?

– Постов всего два. Один у ворот, второй охраняет склады. Оба поста одиночные.

– Нового ничего османийцы не строят?

Смирко ненадолго задумался, что-то вспоминая.

– Нет, никто об этом ничего не говорил, да и я тоже никакой стройки не заметил.

– Выходит, пушки с зарядными ящиками поставят где-то около конюшни. Конюшня от ворот просматривается?

– Нет.

– Значит, выставят еще один пост, и хорошо, если не усилят остальные. Но то, что между постами нет прямой видимости, облегчает нам задачу.

– А почему бы им не поставить пушки перед казармой? Тогда и дополнительный пост не потребуется.

– Перед казармой они им элементарно будут мешать, да и лошадей каждый раз, когда надо будет вывозить пушки за ворота, придется выводить издалека, а так, сразу запряг и поехал. Иди, отсыпайся, послезавтра выступаем!

На эту вылазку капитан Барти взял только два взвода, сочтя подготовку двух остальных недостаточной. Да и не было никакой необходимости брать всех, так как в данном случае численность настолько большого значения не имела. Основную работу должны были сделать два десятка бывших четников, отобранных самим Смирко.

За сутки до ожидавшегося прибытия османийского конвоя два взвода роты капитана Барти пересекли границу между княжеством Вочетутским и Османийской империей. Большая часть солдат осталась в четырех верстах от Нови-Лазара. В их задачу входило обеспечение разборки и транспортировки орудий. Ну и погоню отсечь, если таковая появится.

Еще два десятка местных четников с дюжиной лошадей пробрались на склон, откуда открывался хороший вид на расположение османийского батальона. К утру они уже были на месте. По такому случаю Алекс сменил привычные мундир и шинель на одежду местного пастуха и черную бурку, но сейчас он занимался делом, далеким от пастушеского: прикинув к биноклю, изучал обстановку. Караулка и пост у ворот были видны, часовой у складов был закрыт строениями.

– Смена часовых занимает около десяти минут и происходит каждые два часа. Еще минут десять нельзя начинать, пока они не успокоятся и бдительность потеряют. Еще час нужен, чтобы оторваться после того, как обнаружат исчезновение часовых и поднимется тревога. Значит, на всю операцию у нас не больше сорока минут. Успеем?

– Должны успеть, – пожал плечами Смирко, – главное, чтобы все без шума прошло.

Время уже давно перевалило за полдень, а тягучая, неспешная жизнь османийского батальона так ничем и не была нарушена. Алекс уже начал подумывать о том, что пора начинать волноваться. Уж очень не хотелось провести здесь еще одну ночь. И только когда до вечерних сумерек осталось всего два часа, в сонном царстве началось движение. Когда же открылись ворота, капитан понял – цель их вылазки уже близко.

К большому сожалению, прибывавшие в расположение батальона подразделения противника просматривались на очень коротком участке дороги, длиной не более полусотни шагов, что затрудняло оценку их численности.

– Сто, сто пятьдесят, двести...

По подсчетам офицера, прибыло уже не менее трех сотен штыков, когда пехотную колонну сменили фургоны обоза. Повозки въезжали в ворота одна за другой, не было только того, за чем они сюда пришли – пушек. Проехала последняя повозка. А солнце уже касалось краем гор в западной части горизонта, еще час-полтора от силы и наступит полная темнота.

– Все? Уходим?

– Нет. Ворота не закрыли, значит, еще кого-то ждут.

Видимость понемногу ухудшалась, низкое оранжевое солнце давало косые, ломанные тени. Еще немного, и разглядеть, что именно въезжает в ворота, станет невозможно.

– Вот они!

– Вижу. Одна, две, три. Все на месте.

Следом опять повалила пехота, еще не меньше полутора сотен. Собственно, соотношение сил никакого значения не имело, сколько бы штыков ни привел с собой капитан Барти, у противника их все равно будет в разы больше. Весь замысел операции строился на скрытности, но каждый аскер, оставшийся в расположении, увеличивал вероятность провала хотя бы тем, что мог выйти ночью до ветру и наткнуться на себрийцев в самый ответственный момент.

– Куда они их поставили?

– Не видно отсюда, на месте разберемся.

Ворота османийцы закрыли, но дверь в одной из створок оставалась распахнутой, через нее потек людской ручеек обратно в город. Офицеры противника и простые аскеры, у кого была такая возможность, спешили вознаградить себя женским обществом и заслуженным отдыхом после удачного выполнения тяжелой и опасной миссии. И пусть окончилась она неудачей, проклятые себрийцы на приманку не купились, зато все остались в живых и теперь могли вознаградить себя за все перенесенные лишения. Наблюдать эту внушающую надежду картину удалось недолго, все скрыла накрывшая Нови-Лазар ночь.

– Всем спать, начинаем через шесть часов.

Спать на голой земле поздней осенью – не самое приятное занятие. Поворочавшись с боку на бок и поняв, что уснуть не удастся, Алекс сел и принялся наблюдать за городскими огнями. Потянулись часы томительного ожидания. Огоньки понемногу гасли, городские жители отходили ко сну.

– Волнуешься?

Рядом присел Смирко.

– Есть такое дело. Всякое бывало, и в штыковую атаку ходил, и в окопе под бомбами сидел, даже во вражеский город одной ротой входил. Но чтобы так, втихаря, ночью, да в самое логово... Даже выстрелить нельзя.

– Ты только нам не мешай. А если что не так пойдет, Драган тебя вытащит.

– Договорились, – соглашаясь, кивнул офицер, для четников такая операция – дело куда более привычное.

Какой бы бесконечной ни казалась холодная осенняя ночь, а и ей отмерили срок безжалостные стрелки карманных часов капитана.

– Пора.

Копыта лошадей обмотали тряпками и начали спускаться со склона к городу. Местные власти не забивали себе голову мощением городских улиц, что сейчас играло на руку себрийцам. Бледный лунный свет помогал отыскивать нужный путь. До забора, окружавшего расположение батальона, удалось добраться незамеченными. Люди и лошади притаились в его тени.

С той стороны забора послышались шаги нескольких пар ног, затем пришедшие обменялись несколькими фразами и ушли обратно.

– Часового сменили. Ждем.

Минутная стрелка, казалось, приклеилась к циферблату.

– Драган, давай!

Забор высотой почти в полторы сажени выглядел весьма труднопреодолимой преградой, но здоровенный себрийец легко закинул Смирко на него. Четник выждал с четверть минуты, прислушиваясь, потом бесшумно соскользнул на другую сторону. Проходит еще несколько минут, ладони предательски потеют, Алекс вытирает их о брюки... Скрип калитки заставил вздрогнуть, сердце едва не выпрыгнуло из груди. Четники один за другим приближаются к воротам. Пригнувшись, капитан последовал за ними.

– Пушки у конюшни, при них один часовой.

Ждите.

Один из себрийцев уже расхаживал с винтовкой на плече, изображая часового, валявшегося сейчас под забором в луже собственной крови, остальные ждали снаружи. Появись сейчас на улице случайный прохожий, весь замысел пошел бы прахом.

Часовой возле пушек тоже не стоял на месте, он то исчезал в тени, то его силуэт появлялся вновь. А потом он исчез и больше не появился.

– Пошли!

Внутренний двор встретил полной тишиной, кровь стучала в висках. От ворот сразу направо, к конюшне, а вот и их цель – пушки и зарядные ящики. Вся артиллерия была прикрыта парусиной. Что-то показалось Алексу неправильным в этой картине, но что именно – он понять не успел, надо было спешить.

– До смены постов остался час и тридцать пять минут. Навались!

Высокие, тонкие колеса оставляли в мягком грунте глубокую колею, тяжелая пушка, казалось, не хотела покидать Нови-Лазар. Второй десяток катил следом еще одно орудие. Теперь дело за третьей. И тут выяснилось, что просто так увезти орудия не получится, их запряжка предусматривает использование зарядных ящиков.

– Выкатываем ящики, – быстро принял решение капитан.

А время идет, до смены часовых остался один час и двадцать минут. Зарядные ящики заметно легче, к тому же можно ухватиться за дышло. Один час и десять минут. Петли ворот заранее предусмотрительно смазаны маслом, створки открываются почти бесшумно. Первую пушку цепляют к зарядному ящику, впрягают четверку лошадей. Пошла! Картина сюрреалистическая – буквально в нескольких десятках шагов спят сотни османских солдат, за углом ходит часовой, а в это время два десятка себрийцев выкатывают из ворот их артиллерию.

За ворота выкатывается вторая пушка. Остался ровно один час. Кажется, что с третьей четники возятся недопустимо долго, но вот трогается и она, ворота за ней закрываются, чтобы не привлечь чьего-нибудь внимания раньше времени. Поехали! Тяжелые орудия катятся медленно. Была мысль использовать лошадей из османской же конюшни, но по здравому размышлению от нее решено было отказаться. Животные, почуяв присутствие незнакомых людей, могли поднять шум.

– Ну и как тебе?

Только сейчас Алекс понял, что он буквально взмок от нервного напряжения. Он стянул с головы влажное кепи, рукавом стер со лба выступивший пот.

– Уж лучше османский форт в лоб атаковать, никогда еще так страшно не было.

– А по тебе и не скажешь. Сколько еще осталось?

– Сорок пять минут. Чуть меньше.

Началась гонка со временем. Последние городские дома остались позади. Дорога шла в гору, что не добавляло лошадям прыти. До места разборки орудий на вьюки оставалось пять верст по не самой лучшей дороге. Через полчаса дорога повернула и пошла вниз, исчезли и без того еле видимые огоньки Нови-Лазара.

– Началось!

Алекс открыл крышку часов. На пять минут раньше, чем они рассчитывали, и в путь они тронулись минут на пятнадцать позже. На горизонте поднималось зарево. Один из четников был оставлен в расположении османийцев с заданием поджечь сено, сложенное у конюшни, как только будет обнаружена пропажа часовых. Еще некоторое время османийцы будут заняты тушением пожара и спасением лошадей, а не организацией погони. Выбираться из города поджигателю предстояло самостоятельно, а в случае успеха капитан обещал ему золотой червонец от себя лично. Зарево было большим, похоже, затея удалась и по возвращении придется раскошелиться.

Черт, ну почему эти пушки едут так медленно?

– Быстрее! И подгоните этих кляч, пока не догнали нас!

– Не стоит, командир, если загоним лошадей, то тогда точно не уйдем.

Вот почему Смирко такой спокойный? Или это только внешнее впечатление? Тем не менее каждый шаг, каждая пройденная верста увеличивали шансы оставить противника с носом, а самим остаться с артиллерией. Кажется, здесь, едва не пропустили поворот. Орудийные упряжки свернули с большой дороги на ведущую к горам. Еще с полверсты, и их окружила потрясающая винтовками и радостно орущая толпа. Ну, никакого понятия о дисциплине и субординации.

– Отставить! Отставить, я приказываю! Праздновать будете потом! Разбирайте пушки и грузите на вьюки!

С трудом восстановив порядок, капитан разогнал стрелков по позициям, после чего вернулся обратно.

– Почему стоим? Почему не разбираем?

– Командир, они не разбираются.

– Не может этого быть!

Алекс оттолкнул одного из себрийцев и сам склонился над пушкой. Ситуация усугублялась тем, что ближе к рассвету луна исчезла, темнота была хоть глаз выколи, действовать приходилось практически на ощупь. Всего за полминуты офицер разобрался в причинах неудачи себрийцев с разборкой.

– Это не горные трехфунтовки, а четырехфунтовые полковые пушки!

Мало того что эти пушки были почти в два раза тяжелее, чем те, на которые они рассчитывали, так еще и ни о какой разборке без специального инструмента речи идти не могло.

– Что делать будем?

Еще ничего не пропало. Можно было просто взорвать пушки или сбросить их в какое-нибудь ущелье поглубже, а самим уйти налегке. Все себрийцы будут живы и здоровы, а османийцы останутся без пушек и без лошадей. Хотя лошадей, конечно, жалко. Но тогда у армии «Свободной Себрии» не будет своей артиллерии, и неизвестно, когда она появится. К тому же эти три новенькие бритунийские пушки Алекс уже привык считать своими.

– А может, попробуем провезти их по этой дороге не разбирая?

Смирко отрицательно покачал головой.

– Ты же сам видел эту дорогу.

Да, этот вариант явно не годится. Спрятать где-нибудь, а потом за ними вернуться? Времени нет. Да и нет таких мест, где можно надежно спрятать целую полубатарей полковых четы-

рехфунтовок. Это же не горшочек с серебром и не сундучок с золотом! Неужели придется возвращаться с пустыми руками.

– Дайте мне свет!

Алекс вытащил из сумки полученную от Гжешко карту и расстелил ее на зарядном ящике. К карте поднесли зажженную лучину. Капитан только фыркнул по этому поводу, но другого источника света просто не было. Отыскав нужное место, он решительно ткнул пальцем в отметку на бумаге.

– Смирко, этот мост охраняется?

– Конечно. Там охраны десятка два.

– Ерунда, караульный полувзвод мы без труда разгоним.

– Там каменное укрепление, пулей его не взять.

– Зачем пулей? – удивился капитан. – У нас же есть теперь пушки! Вот пусть они и работают, зря, что ли, мы их с собой тащим.

– А кто из пушек стрелять будет?

Алекс припомнил свой скудный олумоцкий опыт стрельбы из аналогичного орудия. Выстрел-то произвести он сможет, а вот сможет ли попасть – вопрос. Но у себрийцев и тени сомнения не должно быть в своем командире.

– Я буду! Что еще здесь есть у османийцев?

– Здесь у развилки дорог еще до моста есть пост в полсотни штыков. И в Алзана у них таможня, там же полурота стоит, местный редиф может к ним присоединиться. Всего сотни две – две с половиной наберется.

– Обойти этот Алзан можно?

– Нет, – отрицательно покачал головой Смирко. – Потому там таможня и стоит, что ее обойти нельзя. Во всяком случае, не с нашим грузом. От Алзана до границы еще две версты, но там есть развилка, можно попробовать обойти войчетутскую таможню.

– Значит, будем прорываться. Решено, – капитан хлопнул ладонью по карте, – не удалось уйти тихо, будем уходить с музыкой! Разворачивайте пушки! И подбери мне десяток бойцов посообразительнее, они мне потребуются при орудии.

Для прорыва оставалось найти еще одну сущую мелочь. Воспользовавшись моментом, Алекс сунул свой нос в первый зарядный ящик. Картечь, чугунные гранаты, пороховые заряды в шелковых картузах. Всего десятков на шесть выстрелов. Поленились османийские артиллеристы вечером выгрузить снаряды и сдать их на склад, теперь они пригодятся новым хозяевам.

Капитан закрыл крышку. Второй ящик. То же самое, гранаты, картечь, картузы. Третий... Есть! Хорошо хоть в темноте никто не заметил приступа охватившей его радости. Офицер вытащил наружу и повесил себе на плечо увесистую кожаную сумку. Голову бы оторвать османийскому фейерверкеру, а потом спасибо сказать за то, что додумался запалы рядом с пороховыми зарядами положить. Видимо, надоело ему постоянно таскать на себе тяжелую сумку, вот и облегчил себе жизнь.

– Поехали!

Недолго думая, один взвод капитан поставил в голову колонны, в середине шла трофейная полубатарея, в конце колонны – второй взвод. Зарево в направлении Нови-Лазара уже исчезло, то ли пожар потушили, то ли сгорело все, что могло гореть, и погасло само по себе. Но с этой стороны противник пока никак себя не проявлял. А еще сильно раздражали медленно ползущие упряжки, четырех лошадей на одну пушку явно было маловато, но дополнительную тягу взять было негде.

На преодоление трех верст ушел почти час, до первого поста добрались в серых рассветных сумерках. Османийский часовой проявил бдительность, до поста оставалось около версты, когда там началась лихорадочная суeta. Больше всего капитан боялся потерять хотя бы одну лошадь, это было практически равнозначно потере одной пушки.

– Стрелки, в цепь! Первое орудие развернуть! Остальные – в укрытие!

Его команды были выполнены хоть и не очень споро, но, в общем, довольно правильно. Нет, не зря он гонял себрийцев последние недели порой до полного изнеможения. А над головой уже просвистели первые пули.

– Навались!

Четырехфунтовку откатали с дороги, развернули стволом к цели.

– Сошники!

Драган, постоянно державшийся рядом, но ухитрявшийся не попадаться под руку, первым сообразил, что требуется сделать, сказала служба в артиллерийском обозе русской армии. Сняв со станины кувалду, он в три удара вогнал сошник в весьма твердый грунт. Повинуясь повороту рукоятки, исправно открылся затвор.

– Гранату!

С боеприпасом себрийцы не ошиблись, увесистая чугунная болванка отправилась в казенник. Следом за ней последовал картуз с порохом. Капитан закрыл затвор и вставил запал. У этой пушки прицельные приспособления были в порядке, но сумерки сыграли с ним злую шутку, заставив ошибиться с дистанцией. Офицер дернул спусковой шнур. Гах! Пушка резво подпрыгнула, окутавшись пороховым дымом, выпущенная ею граната канула в неизвестность.

Выругавшись, Алекс открыл затвор. Пробанить казенник, граната, картуз, закрыть затвор, вставить запал. На этот раз капитан опустил прицел чуть ниже. Гах! Вспышка взрыва блеснула на крыше строения, в котором держали оборону османийцы. Третья граната легла с недолетом; опуская прицел, офицер перестарался, вращая маховик вертикальной наводки. Зато четвертая влетела точно в окно, исправно взорвавшись внутри. Пятая и шестая оставили дыры в стенах, видимо строение не было каменным.

После этого интенсивность стрельбы со стороны османийцев резко упала, но потребовалось выпустить еще три гранаты, прежде чем их сопротивление было сломлено окончательно и оборонявшиеся предпочли ретироваться, оставив строение победителям. Потери себрийцев ограничились двумя легко ранеными. Пока орудие снимали с позиции, стрелки успели обшарить османийский пост, принесли несколько винтовок, пачки патронов, вполне приличную саблю и бинокль, принадлежавшие убитому офицеру.

– Карты не было?

Трофейщики дружно закрутили головами, в один голос утверждая, что никаких бумаг не нашли. Подозвав Смирко, капитан протянул ему трофейный бинокль.

– Держи. Давно пора свой иметь. И смотри туда, внимательно смотри, всего одна мелкая пушечка – и они позицию не удержали. А если бы они не поленились, выкопали нормальные окопы и держали оборону в них, у нас бы снарядов не хватило их оттуда выковырять.

– Да понял я уже все.

Себриец отправился подогнать артиллеристов, которые никак не могли вытолкать орудие обратно на дорогу.

От этого поста до следующего всего две с половиной версты. Хоть они и не находились в прямой видимости, мешал неровный рельеф местности, но не услышать пушечную стрельбу на втором посту не могли. Поэтому, едва только себрийцы появились из-за поворота дороги, как их встретил весьма горячий прием. Засвистели пули, закричали первые раненые.

– В цепь!

Не дожидаясь приказов, взводный унтер-офицер самостоятельно развернул свой взвод в цепь и приказал открыть огонь. Здание поста, где держал оборону караульный полувзвод, было построено на левом берегу и хорошо приспособлено к обороне. Проблема в том, что большая часть бойниц была расположена с северной стороны, чтобы иметь возможность обстреливать мост. Себрийцы же пришли с юга, а количество бойниц с южной стороны было куда

меньше. Тем не менее дальнейшее продвижение было чревато большими потерями, пришло время пустить в ход главный аргумент.

– Гранату!

Зарядив пушку, Алекс сам себе скомандовал «Огонь!» и дернул спусковой шнур. Видимо, сказала недавно полученная практика, первая же граната попала в цель. Увы, сколь-нибудь заметных повреждений фортификация противника не получила. Калибр и масса снаряда были явно недостаточны для этой цели. Такой же, вполне закономерный, результат был и у второго попадания.

Раздосадованный капитан поднял прицел, и две следующие гранаты оставили большие дыры в скате крыши. Было хорошо видно, как разлетается развороченная взрывами черепица. Но никакого действия на оборонявшихся эти столь эффектные попадания не произвели. Надо было бить точно по бойницам. Опытный фейерверкер, может, и справился бы, но отставной пехотный капитан встал к орудийному прицелу второй раз в жизни. Пришлось сокращать дистанцию.

– Навались!

Усилиями расчета пушка неторопливо покатила вперед. Османийцы тут же заметили новую опасность. Одна из пуль дзинькнула по металлу, вскрикнул, падая, раненый себрийец, молча завалился на бок убитый.

– Чаше, чаще стрелять! Не давайте им высовываться!

Воспользовавшись моментом, стрелки сократили дистанцию, винтовочная пальба усилилась, а османийские пули начали залетать намного реже.

– Стоять!

До поста осталось не более семи сотен шагов. Драган, не дожидаясь команды, вогнал сошник в землю, пока капитан заряжал пушку. Просвистевшая над ухом пуля заставила поморщиться, не до нее сейчас. В качестве цели Алекс выбрал вход в здание поста. Гах! Граната бес- сильно взорвалась левее, между входом и бойницей. И только следующая граната снесла дверь и взорвалась внутри, глуша, убивая и калеча находившихся внутри людей. Не рассчитывали османийские строители на артиллерийский обстрел с тыла, а потому влетевшая внутрь четырехфунтовая граната единым махом лишила оборонявшихся сразу половины личного состава.

– Вперед! Смирко, обойдите их справа!

Заместитель понял ротного правильно и поднял взвод, обходя пост с правого фланга. Сам капитан не мог отойти от пушки. Он успел выстрелить еще четырежды и один раз попасть в тот же дверной проем, прежде чем себрийцы приблизились к посту, а затем ворвались внутрь и добились османийцев. Едва только Алекс порадовался счастливому преодолению еще одного препятствия, как тут же навалилась новая напасть.

– Османийцы сзади!

Кавалерия. С полсотни всадников, поднимая клубы дорожной пыли, рысью поспешали догнать наглецов, укравших их пушки и устроивших на прощание пожар. «Что-то маловато по наши души. Остальные, видимо, пешком идут. Но как же не вовремя!» Сейчас они спустятся в котловину, а когда выедут из нее...

– За мной!

Бросив на огневой позиции одну пушку, капитан бегом устремился к двум оставшимся. Вслед за ним бежало всего восемь человек, да при пушках оставалось двое ездовых, авось успеют.

– Отцепляйте!

Себрийцы сняли станину орудия с зарядного ящика, опустили ее на землю.

– Вторую!

Сошники забивать было некогда, Алекс торопливо протолкнул в ствол картечь. Когда зарядание было выполнено, офицер торопливо подкрутил маховики наводки и сунул спусковой шнур Драгану.

– Держись вслед за мной.

А сам кинулся ко второй. Он почти успел. Затвор уже был закрыт, когда османийские кавалеристы выехали из котловины и оказались всего в двух сотнях шагов от себрийцев. И от двух пушек, смотревших стволами прямо на них. А проклятый запал никак не хотел становиться на место, капитан бросил его и спешно выхватил из сумки другой. Повинуясь команде, кавалеристы прищепили лошадей, торопясь обрушиться на малочисленного противника, над их головами блеснули обнаженные сабли.

– Драган, стреляй!

Гах! Смотреть на результат некогда, наконец-то удалось справиться с запалом. И наводить некогда, да и незачем с такого расстояния... Гах! Истошное лошадиное ржание и людские вопли.

– Огонь!

Себрийцы посрыгали со спин винтовки и торопливо разряжали их в образовавшееся на дороге месиво из уцелевших, раненых и мертвых, из людей и животных. Еще несколько уцелевших всадников, нахлестывая лошадей, спешили скрыться обратно в котловине, уже не помышляя ни о какой атаке. Вслед им выпустили несколько пуль без особой надежды на успех.

– Повезло. Успей они развернуться, порубали бы нас всех.

Алекс обнаружил себя сидящим на земле, привалившись спиной к пушечному колесу, ноги отказывались держать его. Над ним навис Драган.

– Что дальше делать, командир?

– Цепляйте пушки к зарядным ящикам, уходим.

– А трофеи собрать?

– Некогда, время дороже. И помоги мне подняться!

Захват поста дорого обошелся себрийцам – шесть убитых и семнадцать раненых, больше четверти от общей численности! Тяжелых кое-как пристроили на лафетах и зарядных ящиках, но от этого скорость упала до совсем уже черепашьей. Легкораненым помогали идти товарищи. А впереди еще был Алзан с его таможней, гарнизоном и невозможностью его обойти.

И о топающих позади османийцах тоже забывать не стоило. А боеспособных себрийцев осталось чуть больше полусотни и три пушки, которые бросить нельзя, а дальше тащить все тяжелее.

– Первый пост на въезде в город... – рассказывал подробности Смирко. – Там обычно никого не проверяют, но если заподозрят в чем-то, то могут и остановить. Дальше дорога идет через город, но не через центр, а по окраине. На выезде – таможня, за ней мост. От моста до границы еще верста.

– В это время народу на таможне много бывает?

– Когда как. Бывает, одни только таможенники сидят, их там десятка два вместе с аскерами. А если караван придет, то больше сотни может собраться.

– От казармы до таможни далеко?

– Нет. После того, как шум поднимется, минут через восемь-десять аскеры будут у таможни. Ты уже придумал план, как мы минуем Алзан? Там пушки не помогут.

– Нет, не придумал.

Плана действительно не было, пушки через реку не переправить, а единственный мост – в Алзане, который нельзя миновать. И как это сделать – непонятно. Тупик.

– Смирко, посмотри туда. Бог любит нас!

Навстречу себрийцам по дороге полз караван из полутора десятков пароконных фургонов. И никакой охраны поблизости. Причина такой беспечности выяснилась быстро – фургоны возвращались из княжества Войчетутского пустыми. Принадлежали они османийскому купцу, а потому были тут же реквизированы капитаном Барти без каких-либо угрызений совести. Возницы проводили движимое имущество мрачными взглядами, им еще перед купцом ответ держать, а Алекса волновали совсем другие проблемы.

– Раненых перегрузить в фургоны! Стрелков укрыть под парусиной. И пушки, пушки сеном укройте! Возницам кресты с шапок, ремни и подсумки снять!

Три фугона пришлось бросить, их лошади пополнили орудийные упряжки. Маскировка пушек сеном, конечно, получилась так себе, но никто на нее и не рассчитывал, лишь бы османийцы не поняли, что под сеном, в первые секунды, а там уже будет все равно.

– Пушки ставим в середину колонны. Если попытаются остановить на въезде, берем их в ножи, главное, обойтись без стрельбы. Таможню без шума не миновать, но там можно палить не стесняясь. Эх, нам бы только мост проскочить...

Смирко и его четников Алекс посадил в замыкающие фургоны, идущие сразу после пушек, а сам укрылся в головном. Дорога перед Алзаном была прямой и с небольшим перепадом высот, а потому просматривалась версты на три. И когда передние фургоны подъезжали к посту, в пределах видимости появилась пехотная колонна османийцев, преследующая себрийцев.

Вот только стоявший на посту аскер ничего этого не знал. Он махнул рукой, приказывая проезжать быстрее, чтобы освободить дорогу к прибытию своей пехоты. Но когда мимо него покатались пушки, проявил к ним нездоровый интерес. Он уже раскрыл рот, чтобы закричать, но тут с ним поравнялся фургон, из которого выскочили двое. Один ткнул его ножом в грудь, второй подхватил труп и закинул его в фургон вместе с винтовкой. Никто из прохожих и внимания не обратил на исчезновение аскера.

На улицах Алзана было немногочисленно. Зато таможня встретила себрийцев людским гомоном, какой-то караван проходил досмотр, таможенники привычно брали бакшиш. Увидев новую добычу, один из таможенных чиновников кинулся к ней, разевая рот в крике. На русском это, вероятно, прозвучало бы как «Куда прешь, зараза?!», но остановка в планы капитана не входила.

– Гони!

Возница хлестнул лошадей, чиновник едва успел отскочить в сторону. Позади уже трещали выстрелы, а впереди, перед закрытым шлагбаумом, молоденький аскер пытался закрыть затвор своей винтовки, да видно перекошил патрон. Бах! Выронив винтовку, упал османиец. Бах! Получив пулю в живот, осел на землю пузан не в мундире, но с револьвером в руке. Спрыгнув на землю, Алекс кинулся к шлагбауму, Драган последовал за ним. Вдвоем им удалось быстро поднять перекрывавший проезд брус. Алекс уже ухватился за борт фугона, чтобы запрыгнуть внутрь, но в этот момент ощутил удар в спину, пальцы разжались, и он полетел под копыта лошадей следующей повозки.

Глава 3

– Проснулся, герой.

Вот кем-кем, а героем себя Алекс не ощущал, зато чувствовал тупую, ноющую боль в спине и головокружение. Он лежал почему-то на животе. С трудом повернув голову, он сумел увидеть собеседника. Над ним склонился благообразный мужчина средних лет, в пенсне и с аккуратно подстриженной бородкой. Белый халат выдавал в нем представителя самой гуманной профессии, а только что без всякого акцента произнесенная фраза – соотечественника.

– Где я?

– В госпитале миссии российских врачей в княжестве Войчетутском.

– Голова кружится и спина болит, – пожаловался Алекс.

– Это совершенно нормально... – поспешил успокоить его доктор. – Наркоз заканчивает свое действие. Ранили вас из какого-то несерьезного револьвера. Будь у него пробивное действие чуть получше, мы бы сейчас с вами не разговаривали. Пулю я удалил, но ваше общее состояние внушает опасение. Вы на грани нервного истощения, совсем себя загнали, господин капитан, я бы на вашем месте поостерегся.

– Спасибо за предупреждение, доктор. Вы мне скажите, доктор, когда это я успел стать героем?

– Так вчера же и успели! Ворвалась вчера в миссию толпа вооруженных людей, я сначала подумал, – улыбнулся врач, – башибузуки напали. Потом вас принесли без сознания. Спасай, говорят, нашего героического капитана! Кстати, имени вашего они сообщить так и не удосужились.

– Капитан Барті, честь имею!

– Доктор Мирлованов, глава миссии. Так вот, они-то про ваши подвиги и поведали. Наш капитан, говорят, всех османийцев в Алзанах разогнал и всю их артиллерию на штык взял! А если ты его, такой-сякой, не спасешь, то мы тебе... Как бы это помягче сказать, операцию на трахее сделаем без наркоза.

– Горло пообещали перерезать?

– Можно сказать и так.

– Эти могут, – согласно кивнул Алекс. – А пушки они все вывезли?

– Об этом мне ничего не известно, я людей лечу. Помимо вас мне еще одиннадцать раненых привезли, один уже умер, еще трое в критическом состоянии. Если же хотите что-то узнать, то я сейчас позову одного из тех молодых людей, что вас сюда привезли. Он, знаете ли, так в коридоре и сидит со своим ружьем. Сюда никого, кроме меня, не пускает и персонал пугает одним своим видом.

– Да зовите уже, – улыбнулся Алекс.

Доктор вышел, и через некоторое время в дверь бочком протиснулся Драган с винтовкой. Хорошо еще штык примкнуть не догадался. В медицинской миссии себріец чувствовал себя неловко, а потому двигался осторожно, стараясь ничего случайно не задеть и производить как можно меньше шума.

– Винтовку к стене поставь, никто ее тут не украдет. И сам садись, не стой столбом. А теперь рассказывай. Все рассказывай. Пушки вывезли? Потери большие? Как я сюда попал? Последнее, что помню, – лошадиное копыто над собой, даже гвозди на подкове рассмотрел! Ну, говори, не томи.

Драган поерзал, устраиваясь на табурете, и понемногу ситуация начала проясняться.

– Я даже выстрела не слышал, смотрю, а ты падаешь прямо под копыта. Я тебя за ногу схватил, дернул. Едва успел, а тут этот пузатый опять свой револьвер поднимает. Я у него револьвер вырвал и рукояткой ему в лоб.

После такого удара османиец мог и не выжить, а с учетом полученной до этого пули в живот наверняка отправился к гуриям. Но капитана больше интересовало другое.

– Дальше. Что было дальше?

– Чего было... Третий фургон от головы остановился, тебя туда погрузили, там же и перевязали, потом сюда привезли.

– Потери большие?

– Точно не знаю, не видел.

Врет, в глаза не смотрит, значит, большие.

– Ладно, ступай.

Драган поднялся с табурета, потоптался, затем извлек из кармана маленький револьвер. В его лапище оружие казалось детской игрушкой.

– Вот. Пусть у тебя будет, мне ни к чему.

Уж конечно ни к чему, вряд ли его палец в скобу спускового крючка пролезет. Алекс проверил барабан – одна стреляная гильза и пять целых патронов. Калибр мелкий, но патрон центрального боя с блестящей желтой гильзой, а пуля серая, свинец без оболочки. Теперь понятно, почему пуля неглубоко вошла. Не боевое оружие, а так, скорее, пугач.

– Стой! Винтовку покажи!

Драган вынужден был вернуться от самой двери и с явным нежеланием передать оружие командиру роты. Алекс открыл затвор, спину дернуло болью. Поморщившись, капитан потянул носом.

– Почему не чищена?!

– Так ведь...

– Никаких «ведь» быть не может! Выстрелил – почисти! Десять минут тебе на устранение!

– Будет сделано, командир.

Алекс постарался сохранить на лице выражение самого сурового недовольства, хотя сам едва сдерживал улыбку. Стоило только представить, как, разложив посреди больничного коридора детали винтовки, здоровенный чернобородый себриец начнет шуровать в стволе шомполом. То-то врачи порадуются! Жаль только лично наблюдать эту картину нет никакой возможности.

Все бы ничего, но ныла простреленная спина, томила неизвестность; раненые, с которыми удалось поговорить, тоже видели очень немного. А еще было невероятно скучно. Дважды приходил доктор, приносил утку, интересовался самочувствием. В разговоре с ним Алекс выяснил, что женского персонала в миссии нет, только руоссийские врачи-мужчины и добровольцы-санитары из местных себрийцев. Поначалу капитан даже расстроился, но потом вспомнил, что Драган в палату все равно никого не пускает, кроме Мирлованова, и немного успокоился по этому поводу.

Следующее утро было таким же скучным и лишенным каких-либо новостей, но едва только из-под Алекса вынесли вторую утку, как по коридору загрохотали чьи-то сапоги. Дверь решительно распахнули, на пороге стоял сам Гжешко, сияющий, как новенький медный пятак.

– Ай, молодец! Какое дело сделал! Три! Три пушки привез! И какие! Теперь у нас есть своя артиллерия!

Не пребывая Алекс в горизонтальном положении, переполненный эмоциями себриец непременно накинулся бы на него с объятиями.

– Не спеши радоваться, – капитан попытался хоть немного охладить пыл представителя «Свободной Себрии», – думайте, кто расчеты для них будет готовить и где для них боеприпасы брать. А они ох какие недешевые!

– Нет, – ухмыльнулся Гжешко, – это теперь и твоя забота тоже.

– Это еще почему? – Алекс не смог сдержать своего изумления.

– А потому, что вчера...

Голос себрийца звучал весьма торжественно. Только сейчас капитан обратил внимание на его одежду. Гжешко избавился от своих шаровар и револьверов за поясом, сейчас на нем был вполне приличный костюм-тройка, криво сидевший из-за спрятанного под ним оружия.

– На заседании комитета «Свободной Себрии» было принято решение назначить главнокомандующим капитана Барти и присвоить ему чин полковника! Поздравляю!

– Да вы... Вы...

Словарный запас капитана внезапно оказался абсолютно недостаточным, чтобы выразить его мнение по данному вопросу.

– Да вы с ума сошли! Какой из меня, к черту, командующий?! Какой полковник?! Я больше чем на батальон не рассчитывал!

Он бы еще долго бушевал, но у Гжешко не было никакого желания слушать столь эмоциональное выступление, а глотка у него была не менее луженой, чем у Алекса.

– Прекрати истерику! Ты – офицер, а не кисейная барышня! Лежи и лечись пока. И думай... Вылечишься – примешь командование, откажешься – никто тебя заставлять не будет, катись на все четыре стороны!

И ушел, хлопнув дверью. Вот и поговорили. Так ведь ничего толком и не узнал, ни о потерях, ни о дальнейшей судьбе своей роты. Алекс, по совету себрийца, попробовал успокоиться и принять взвешенное решение. Такое предложение только один раз в жизни делают, но и ответственность огромная, а опыта командования такой массой войск нет, как и знаний теории. И тут в палату произошло новое вторжение.

– Что за шум, а драки нет?

Похоже, доктор был не на шутку обеспокоен едва не разгоревшимся скандалом. Но появился он весьма кстати, как раз потребовалось прояснить некоторые моменты относительно собственного здоровья.

– Успокойтесь, доктор, все уже завершилось, и дальнейших боевых действий на территории вашей миссии не ожидается. Скажите лучше, долго мне еще здесь лежать?

– Нет, не долго. Рана у вас не очень серьезная, помощь вам оказали вовремя, поэтому осложнений не предвижу. Думаю, через недельку уже сможете вставать, а через месяц мы вас отсюда выпишем. Только постарайтесь первое время избегать физических нагрузок, а лучше съездите куда-нибудь отдохнуть.

– На отдых съездить?

– Да, на морское побережье или на воды. Заодно и нервы подлечите.

– Спасибо за совет, я непременно его обдумую.

Три дня душу Алекса терзали сомнения, на четвертый доктор Мирлованов застал своего пациента на ногах.

– Что вы делаете? Вы с ума сошли, – возмутился медик, – рана может открыться!

– Вы же сами сегодня на перевязке сказали, что рана чистая, воспаления нет.

– А вы делаете все, чтобы оно было! Швы могут разойтись! Немедленно марш в постель!

Пришлось подчиниться. Но едва голова его коснулась подушки, как Алекс тут же поинтересовался:

– И долго мне еще лежать?

– Три дня минимум!

Эти три дня показались капитану вечностью. Он заранее затребовал, чтобы ему привезли запасной мундир взамен простреленного и залитого на спине кровью. Поскольку влезть на лошадь с примотанной к туловищу правой рукой не было никакой возможности, пришлось заранее позаботиться о коляске.

– Я бы настоятельно не советовал вам покидать сейчас нашу миссию...

– Спасибо за заботу, доктор. Надеюсь больше к вам не попадать.

К удивлению Алекса, Драган категорически отказался ехать вместе с ним в коляске и взобрался на козлы к кучеру. Войчетут – городишко небольшой. Пять минут езды по узким и кривым улочкам, и коляска остановилась у одного из ни чем не примечательных домов. «Свободная Себрия» занимала половину первого этажа. Честно говоря, внутри капитан ожидал увидеть бурную деятельность, действительность же больше напоминала неспешность провинциальной канцелярии. Правда, здесь его уже ждали.

– Судя по тому, что ты из госпиталя досрочно сбежал, наше предложение принято?

– Да, – решительно кивнул Алекс.

– В таком случае пошли, представлю тебя остальным членам комитета, заодно и с заместителем своим познакомишься.

Комитет «Свободной Себрии» произвел, скорее, негативное впечатление. Председатель, упитанный, розовощекий, с большими залысинами, говорил долго и с большим пафосом. Алекс решил, что он из бывших адвокатов. Впоследствии оказалось, не из бывших, а из действующих. Председательство в комитете «Свободной Себрии» он успешно совмещал с адвокатской практикой в Войчетуте. Не очень хорошо понимавший себрийский Алекс пользовался моментом, рассматривая остальных членов комитета.

Первым его внимание привлек седенький сухонький старичок в весьма почтенном возрасте. Сей персонаж был обряжен в старомодный, но, несомненно, военный мундир с темными пятнами на плечах, оставшимися на месте споротых эполет. Отставной вояка, до сих пор не утративший строевой выправки, весьма пристально, не стесняясь, рассматривал новоиспеченного командующего. Алекс, в свою очередь, бесцеремонно уставился на отставника, тот вызова не принял, отвел взгляд.

Еще три члена коллегиального руководящего органа «Свободной Себрии» интереса не вызвали – типичная интеллигенция, ни на что, кроме болтовни, не способная. Приятной наружности молодой человек в неважно сшитом коричневом костюме что-то интенсивно записывал, не иначе речь председателя. А вот последний из присутствующих...

Одет цивильно, но на голове традиционная себрийская шапка, которую он не снял даже в помещении. Поперек живота толстая золотая цепь, исчезающая в оттопыренном кармашке для часов. «Не иначе он там золотой будильник спрятал, для такой цепи он будет в самый раз». Если именно эта сволочь занимается снабжением продовольствием, то есть все основания за паршивую кормежку повесить его за шею на этой самой цепи. Председатель наконец-то закруглился и направился к Алексу.

– Поздравляю вас, полковник Барти, с вступлением в новую должность! Надеюсь, мы в ближайшее время услышим ваш план предстоящей кампании.

– Пренебреженно, господин председатель, – пообещал полковник, – как только приму дела. Кстати, кто из членов комитета сейчас занимается военными делами?

Как и ожидалось, тот самый старикан.

– Генерального штаба подполковник Мартош! В отставке.

А взгляд у отставника неприятный, колючий.

– Ка... Э-э-э... Полковник Барти.

Чужая фамилия, да и новое звание какое-то ненастоящее. И все происходящее сильно напоминает плохое опереточное действо с паршивыми, безголосыми актерами, фальшиво поющими свои роли за мизерное жалованье. Со стороны все смотрится жалко и скучно, и все действующие лица это отлично знают, но делают вид, что все идет как надо. И тебе надо доиграть свою роль до самого конца, только следует постараться, чтобы крови по ходу игры было пролито как можно меньше.

– Прошу прощения, господа, но нам с подполковником Мартошем необходимо обсудить некоторые вопросы наедине.

Рабочее место отставного подполковника располагалось буквально за соседней дверью. В комнате присутствовал еще один персонаж в гражданском, поднявшийся при появлении офицеров.

– Крайчек, выйди, – бросил Мартош.

Он подошел к большому столу, хотел было опуститься в стоявшее за ним кресло, но передумал и остался стоять.

– Садитесь, господин подполковник, садитесь. Разговор нам предстоит долгий.

Поскольку других стульев в комнате не было, Алекс сел на стул вышедшего за дверь Крайчека.

– Вы в каком генеральном штабе имели честь служить?

– Астро-Угорском. И предупреждая ваш следующий вопрос, сразу поясняю, по матери я – себрияец.

– Отлично. Отслужили вы в Астро-Угорской армии верой и правдой, вышли в отставку, а затем вдруг решили пыль стряхнуть со своего мундира?

– Вы на что намекаете, господин... полковник?

– Я намекаю? – фальшиво возмутился Алекс. – Да я прямо говорю, что как только под боком у Астро-Угорской империи появилась потенциально враждебная сила, как тут же вы вспомнили о своих себрийских корнях! Ну что вы молчите?! Скажите, что я не прав, что я ошибаюсь!

Алекс действовал по наитию, но он чувствовал, что попал в нужную точку, и продолжил давить на нее, пока противник не пришел в себя.

– У вас есть сыновья?

– Один сын.

– Где он сейчас? Служит? В какой армии? В Астро-Угорской? Отвечайте!

– Да, черт бы вас побрал, в Астро-Угорской! Но это я, я создавал эту армию, искал людей, оружие, места расквартирования, пока ты с револьвером по горам бегал!

Можно ли считать эмоциональный взрыв отставного подполковника признанием в шпионаже в пользу Астро-Угорской империи? Наверно, да. Но что делать дальше? Отдать Мартоша под трибунал или просто выгнать с позором? И лишиться единственного опытного штабного офицера, хоть и шпиона. А другого где взять? И тот тоже наверняка шпионом окажется. Вопросы, вопросы...

– Браво, господин подполковник, браво! Какая экспрессия! Думаю, мы с вами сработаемся. Но, если у меня возникнет хоть малейшее подозрение, что ваша деятельность идет вразрез с интересами Себрии...

– Вы меня расстреляете.

– Нет, повешу. Шпионов, знаете ли, казнят через повешение. Если такие условия вас устраивают, можете остаться, нет – убирайтесь ко всем чертям!

Никуда он не денется. Уехать сейчас – провалить миссию. Пока Мартош здесь, он на службе числится, сыночку протекцию какую-никакую может оказать, а в Угории его ничего, кроме грошовой пенсии и старой жены, не ожидает. К тому же уедет этот шпион, пришлют другого, а его еще попробуй вычисли. Но за деятельностью господина отставного подполковника придется смотреть в оба.

– Я остаюсь.

– Вот и отлично. А этот ваш Крайчек чей шпион?

– Не знаю, кто ему доплачивает за то, чтобы он тут сидел, но на жалованье от «Свободной Себрии» хорошего делопроизводителя найти нельзя, даже здесь.

То, что Крайчек хороший делопроизводитель, видно невооруженным взглядом. Бумаги на столах разложены аккуратно, папки в шкафах пронумерованы, подписаны и расставлены в полном порядке.

– Попадется на шпионаже, повешу его рядом с вами, – принял решение Алекс. – Зовите его, господин подполковник, будем дела принимать.

А дела оказались не самыми худшими. Подполковник Мартош и его делопроизводитель потрудились на славу. По бумагам в армии «Свободной Себрии» числилось почти четыре с половиной тысячи штыков и две сотни сабель, в составе двадцати девяти пехотных рот и двух кавалерийских эскадронов. На карте эти подразделения выглядели россыпью точек, явно образующих два оперативных направления. Одно прямо на Крешов, второе через Алзан на Каму. Причем несколько рот располагались на территории соседнего княжества Ясновского.

– ...теперь, благодаря вашим стараниям, у нас появилась полковая полубатарей. Но у нас нет ни подготовленных расчетов, ни снарядов, кроме тех, что остались в зарядных ящиках. Сейчас ищем офицера-артиллерию, которому можно поручить командование.

– А сами пушки где?

– Там же, где и были, в расположении вашей бывшей роты. Этот ваш Смирко заявил, что никому их не отдаст без вашего дозволения.

– С этим я разберусь, – пообещал Алекс. – А что у нас с саперами?

– Ничего, – пожал плечами Мартош, – их просто нет. Никто не хочет копать землю и строить укрепления, всем только стрелять хочется. Саперных офицеров, кто мог бы заняться этим делом, у нас нет ни одного.

Алексу тут же захотелось узнать, имеет ли место жесточайший дефицит желающих стать саперами или в этом можно усмотреть саботаж со стороны неблагонадежных личностей, заседавших в комитете «Свободной Себрии». Однако были и другие вопросы, ничуть не менее важные.

– А что у нас с медициной?

– Есть договоренность о приеме раненых с миссией русо-русских врачей в княжестве Войчетутском.

– И это все? Так, – Алекс на секунду задумался, – подготовьте приказ о создании санитарного обоза, который займется приемкой, первичной обработкой и транспортировкой раненых.

– Но...

– Отставить! Начальника обоза я вам найду, а комплектование личным составом на него же и возложим. Готовьте приказ!

– Слушаюсь, господин полковник!

– Теперь боеприпасы. Надеюсь, муниционная колонна у нас уже есть?

– Так точно. В ротах стараемся поддерживать запасы не менее двухсот патронов на винтовку, но расход на учебные цели велик, не всегда удается. Складской запас еще около пятисот патронов.

– Негусто, – поморщился новоявленный командующий. – И на сколько нам этого хватит?

– Дней на пять-семь не самых интенсивных боевых действий.

У противника двойное как минимум численное превосходство, долговременные укрепления и большие запасы военного имущества. Османская военная организация хоть и потрепана после поражений, но продолжает функционировать, а у тебя всего четыре с небольшим тысячи штыков, едва обученных и с явно недостаточным тыловым обеспечением. И как тут, скажите на милость, воевать? Значит, придется делать ставку на один-единственный удар, быстрый, решительный и беспощадный.

– Мартош, ограничьте расход патронов, скоро они нам потребуются в большом количестве. И вам не кажется, что пора сводить роты в батальоны?

– Давно пора, – согласился подполковник, – но тогда возникнут трудности с расквартированием таких крупных подразделений. Зима на носу, одними палатками в поле не обойдемся. Придется размещать батальоны в населенных пунктах, а это неизбежные трения с местным населением. Да и как князь на это отреагирует, тоже неизвестно.

– Плевать на князя! Сколько у него штыков?

– Численность княжеской армии около пяти тысяч пехоты и кавалерии, но боеспособность ее крайне низкая...

– Тем более! Князь, конечно, будет возмущаться, но на активные действия не отважится. Он же понимает, что наши действия направлены не против него. А с началом боевых действий мы избавим его княжество от своего присутствия, чему он будет только рад. Жду ваших предложений по формированию и размещению батальонов.

– Будет исполнено! Но где нам взять командные кадры для них?

– Произведем в комбаты наиболее опытных командиров рот.

– Как у вас все просто, – вздохнул Мартош.

Что и говорить, решение не самое лучшее. Накануне решающих событий себрийские роты лишались лучших, наиболее подготовленных командиров. Самим же офицерам оставался минимум времени на вхождение в новую должность и обретение опыта командования в разы возрастающим количеством подчиненных.

– Можете предложить иное решение?

– Никак нет!

– Тогда исполняйте мой приказ! Да, кто отвечает за снабжение продовольствием?

– Господин Куйчернеджи. Да вы его видели, когда вас представляли членам комитета, он один из них.

– Жирный, в шапке, с золотой цепью через все пузо?

– Очень точное описание. Жалобы на качество поставляемого продовольствия бывают, но ничего серьезного. А у вас к господину Куйчернеджи есть претензии?

– Никаких.

Очертя голову кидаться в атаку на одного из членов комитета, собственно, и давшего ему в руки власть, Алекс не стал. Для начала надо было узнать расстановку сил внутри комитета, узнать, как обстоят дела у других ротных командиров. Может, у них с этим делом все в порядке. А что для сбора такого рода информации может быть лучше, чем личная встреча? Да и на кандидатов на повышение хотелось взглянуть в их естественной, так сказать, среде обитания.

Но вояж свой по вверенным ему подразделениям Алекс начал с миссии русских врачей.

– С чем пожаловали, господин капитан? Рана беспокоит?

– С вашего позволения, уже господин полковник. И рана меня почти не беспокоит, у меня беспокойство совсем иного рода.

Не дожидаясь разрешения, офицер пристроился на стуле напротив доктора.

– А здесь я за тем, чтобы вас ограбить.

Некоторое время он наблюдал за тем, как на лице Мирлованова менялись эмоции, а затем поспешил успокоить доктора:

– Нет, нет, ваш кошелек мне не нужен. И касса общества тоже. Формируется санитарный обоз, и мне крайне срочно нужен лекарь, который мог бы его возглавить. Если кто-то из ваших врачей согласится... Добровольно конечно же.

– Согласится, – пробурчал доктор, – кто-нибудь, конечно же, согласится. Только толку от них... Ай, ладно, вспомню молодость, сам пойду! Здесь, в миссии, найдется кому меня заменить.

Доктор резко, будто подброшенный мощной пружиной, поднялся с кресла, привычным движением одернул халат.

– Старший лекарь лейб-гвардии кирасирского полка в отставке Мирлованов в вашем распоряжении, господин полковник. Имею опыт Южноморской и Палкарской кампаний.

Алекс был готов к возражениям, долгим уговорам, скандалу, в конце концов, а тут все решилось настолько просто и быстро, что на решение доктора он отреагировал с запозданием. Поднявшись со стула, он протянул Мирлованову руку.

– Добро вновь пожаловать на службу, господин старший лекарь. Вот только не успел предупредить вас, что обоз вам придется формировать самому. На данный момент его практически не существует.

Доктор решительно ответил на рукопожатие.

– Раз надо, значит, сформируем. Пару фельдшеров и пяток санитаров возьму здесь, в миссии, кого-нибудь среди четников и наших добровольцев найдем, остальных будем на месте учить.

– В таком случае отправляйтесь в комитет «Свободной Себрии» к подполковнику Мартошу, с ним решите все организационные вопросы. Со своей стороны обещаю вам полное содействие во всех вопросах.

Разрешив дела в миссии самым благополучным образом, Алекс отправился в теперь уже бывшую свою роту. Во-первых, не терпелось увидеть товарищей, узнать подробности последнего боя, посмотреть и оценить, как со своими обязанностями справляется Смирко. Во-вторых, надо было забрать оставшиеся в распоряжении роты личные вещи, отсутствие которых существенно осложняло быт раненого офицера.

Полтора часа подрессоренная пролетка укачивала Алекса. Под конец пути он даже задремал, но вскоре был разбужен радостным воплем.

– Командир вернулся!

Тут же, наплевав на дисциплину и субординацию, сбежался весь личный состав роты, мгновенно превратившийся в радостно гомонящую толпу. Толпа эта подхватила Алекса, понесла, его ноги вновь коснулись земли только пять минут спустя.

– Ста-ановись!

Не сразу, но себрийцы вспомнили о том, что здесь они не на сельском празднике гуляют и по этой причине приказы ротного командира надо исполнять. Пока солдаты выравнивали строй, Алекс успел перекинуться парой слов со Смирко.

– Чему они так радуются?

– Как чему?! Мы впервые побии османийцев. Сами. Не просто ограбили караван и через горы ушли, а прошли все посты, вывезли их пушки, и они не смогли нас остановить, хоть и было их в разы больше. И все это благодаря тебе.

На этом командирам пришлось прерваться, рота построилась, пришла пора рапортов и воинских приветствий. Непосредственно в процессе выяснилось, что весть о новых назначениях и званиях до роты Смирко еще не дошла. Данное известие вызвало новый прилив энтузиазма и радостных криков. Пришлось вновь восстанавливать порядок и дисциплину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.